Дб
400
В-57

Владимиров В.

Ленский
расстрел.

М.-Л., 1926.

ДБ
400
В 57

В. ВЛАДИМИРОВА

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

С.М.

РСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО 1926

56995

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

∘ ∘ ∘ МОСКВА — ЛЕНИНГРАД ∘ ∘ ∘

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

БАТУРИН, Н.

ОЧЕРКИ ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

70-х и 80-х годов

Изд. 2-е, исправленное (ИСТПАРТ)

Стр. 80. Ц. 40 к.

★

САМОЙЛОВ, Ф. Н.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКОМ РАБОЧЕМ ДВИЖЕНИИ

(ИСТПАРТ)

Часть I. 1903 — 1905. Стр. 90. Ц. 60 к.
Часть II. 1906 — 1911. Стр. 124. Ц. 1 р.
Часть III. 1911 — 1914. Стр. 112. Ц. 85 к.

★

САПРОНОВ, Т.

ИЗ ИСТОРИИ РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

(По личным воспоминаниям)

Стр. 150.

★

[illegible]ШЕВСКИЙ, А.

К ИСТ[illegible] И РАССТРЕЛА РАБОЧИХ НА[illegible]СКАХ в 1912 году

Ст[illegible] Ц. 20 к.

[illegible]нига то[illegible]ивает самого широкого [illegible]аспростране[illegible] ясно выявлена связь [illegible]осу[illegible] банковыми дельцами, [illegible]ленен[illegible]вительство царской Росс[illegible] по их требованию всю [illegible]ную толпу рабочих, требовав[illegible]исполнения законов, созданных са[illegible]". („Печать и Рево-[illegible] II.)

[illegible]НИ[illegible], И.

РУСС[illegible]НИЕ И РСДРП НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

([illegible] г.г.).

Ц. 40 к.

ЭБ
400
В 57

323.2(57),1912

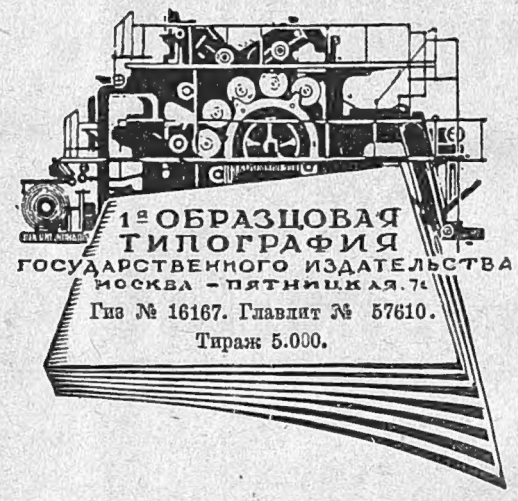
В. ВЛАДИМИРОВА

ЛЕНСКИЙ РАССТРЕЛ

2873

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
КРАСНОЙ ПРОФСОЮЗЫ
Инв. № 56995/8

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1926 ★ ЛЕНИНГРАД



Гиз № 16167. Главлит № 57610.
Тираж 5.000.

1. Годы реакции перед ленской забастовкой [1]).

Ленская стачка вспыхнула в годы жесточайшей самодержавной реакции. Революция 1905 года кончилась разгромом рабочих и крестьян. Подавление вооруженных восстаний в городах, карательные экспедиции в деревнях обескровили передовой слой пролетариата и крестьянства. Белый террор, наступивший после первых побед реакции, тысячи казненных, сосланных на каторгу, в тюрьмы, в ссылку завершили торжество самодержавия.

Была не только уничтожена вся легальная рабочая пресса и загнаны в подполье социалистические партии, но даже профсоюзы и рабочие клубы беспощадно преследовались.

Дело политического разгрома докончили локауты промышленников, безработица, нищета и голод.

Насколько велика была подавленность рабочего класса, видно из следующей правительственной статистики. В 1905 году на фабриках и заводах, подчиненных фабричной инспекции, бастовало 2.863 тысячи рабочих; в 1906 г. — 1.108 тысяч, в 1907 г. — 740 тысяч; в 1908 г. — 176 тысяч, в 1909 г. — 64 тысячи, в 1910 г. — 47 тысяч.

Вместе с разгромом рабочего движения начался массовый уход из рабочих организаций интеллигенции, которая в большинстве своем поддерживала раньше меньшевиков. Она ушла не только от нелегальной работы, но также из союзов, рабочих клубов и т. п. Можно было сосчитать по пальцам тех немногих интеллигентов, которые остались работать среди рабочих масс.

В то же время меньшевики в большинстве совершенно порвали идейно с революцией. Своим знаменем они объявляют лишь легальную

---

[1]) Настоящая брошюра является популярной переработкой моей вводной статьи к документам, опубликованным Центроархивом в книге „Ленские события 1912 года". Статья несколько расширена за счет опубликованных материалов.

работу, ту, которая возможна в рамках самодержавных порядков. Своим очередным лозунгом они выкидывают: „Долой революционное подполье!“.

Передовые рабочие не пошли за ликвидаторами. Они не желали слышать о либеральной рабочей политике. Да и само самодержавие позаботилось разбить ликвидаторские иллюзии, ибо даже работа в профсоюзах, рабочих клубах и кооперативах не могла уместиться в рамках легальности.

За неурезанную революционную борьбу, за нелегальную партию в эти тяжкие годы реакции продолжает стоять лишь партия большевиков и небольшая группа меньшевиков-„партийцев“.

В декабре 1910 года, на заре ухода от мертвой спячки, большевики с небольшой группой меньшевиков-„партийцев“ стали издавать „Звезду“ — газету, сыгравшую огромную роль в просыпавшемся рабочем движении. „Звезда“ беспощадно преследовалась, конфисковалась и закрывалась правительством. Но ее поддерживало поднимающееся рабочее движение, и она возрождалась вновь.

Подъем рабочего движения начался в 1911 году, когда бастовало за весь год 105 тысяч рабочих. Это еще очень слабое движение было уже предвестником грядущих бурь.

С осени 1911 года „Звезда“ выходит уже как чисто большевистская газета. Она пользуется огромной симпатией и денежной поддержкой рабочих масс.

В это время, в апреле 1912 года, произошла ленская трагедия. Расстрел на Лене вызвал огромную стачечную волну рабочего протеста. В одном Петербурге количество бастовавших превышало больше чем вдвое число всех бастовавших рабочих в 1911 году.

С апрельских демонстраций рабочее движение идет вперед огромными шагами. Таким образом ленский расстрел явился рубежом рабочего движения после годов реакции. Поэтому картина героической борьбы ленских рабочих представляет собою огромный интерес для истории русского революционного движения.

2. Общество „Лена Гольдфильдс“.

Ленская трагедия разыгралась в далекой Сибири. В 1700 верстах к северу от Иркутска лежит суровый ленский край. Он расположен по реке Лене и ее притокам — Витиму и Олекме.

Дикость природы, безлюдье, отдаленность от населенных городов и суровость климата являются отличительными чертами этих мест.

Однако край этот имеет богатейшие залежи золота. Разработка его началась в 1843 г. Сначала ее вели отдельные богатые купцы. В 60-х же годах здесь были основаны крупные предприятия.

С 1882 г. две крупных капиталистических фирмы, соединившись вместе, образовали здесь общество под названием „Ленское золотопромышленное товарищество".

Товарищество имело большие капиталы и тотчас по своем возникновении принялось скупать один за другими золотые прииски местных купцов и отдельных капиталистов.

В 1896 г. товарищество, которое было прежде основано на паях, превратилось в акционерное общество. Раньше каждый участник товарищества должен был внести для работ денежный пай, достигавший довольно крупных размеров, и только тогда он являлся членом паевого товарищества. С превращением товарищества в акционерное общество, последнее выпустило под свой основной капитал акции, на которые выдавало прибыль в виде процента. Цена акции была невелика, она была доступна многим мелким капиталистам, и превращение товарищества в акционерное общество повело за собой прилив капиталов.

Благодаря этому приливу общество захватило в свое владение Олекминский и Витимский округа и начало разработку золотых приисков по реке Бодайбо, где находились самые золотоносные залежи Ленского края.

Однако „Эльзото" (как сокращенно называлось это акционерное общество) скупило слишком много приисков и захватило слишком большие пространства для работ, поэтому у него начался денежный кризис. И тотчас ему на помощь пришло само государство. По высочайшему повелению обществу была выдана колоссальная ссуда в размере 6.100.000 рублей. Но условием ссуды правительство поставило „Эльзото" назначение в качестве управляющего всех ленских приисков Белозерова.

„Эльзото" охотно приняло это условие, и с 1902 г. в качестве главного управляющего на прииски приехал ставленник правительства Белозеров.

В дальнейшем влияние правительства на дела „Эльзото" усилилось еще более. В 1902 г. правительство отпустило ему новую ссуду в 5.100.000 рублей, но потребовало, чтоб в состав правления „Эльзото" был введен директор Государственного банка Н. И. Бояновский.

После этих двух золотых вливаний „Эльзото“ чрезвычайно развило свое дело. Благодаря безжалостной эксплоатации рабочих оно начало получать такие колосальные прибыли, что к 1909 г. сумело погасить весь долг правительству.

В то же время общество, по настоянию свыше, начинает искать кредит за границей. Так как дело шло в гору и обещало большие прибыли, то этот кредит был скоро найден.

В Лондоне было образовано английское общество под названием „Лена Гольдфильдс“ (Ленские золотые прииски). „Лена Гольдфильдс“ ставило своей задачей снабжать деньгами „Эльзото“, получая с него за это колоссальные проценты. За свои ссуды оно брало $6 — 6^1/_2\%$ (это в то время, когда в Лондоне капиталы давались в кредит по 3%).

Но снабжая „Эльзото“ деньгами, общество „Лена Гольдфильдс“ естественно предпочло быть фактическим хозяином ленских приисков. Поэтому оно тотчас предприняло скупку акций „Эльзото“. К середине 1909 г. „Лена Гольдфильдс“ скупило акций на 7.695.250 рублей, это в то время, как стоимость всего предприятия в акциях равнялась 11.100.000 рублей.

К 1910 году в руках английского общества сосредоточился уже 71% всего капитала „Эльзото“.

Благодаря этому, на акционерных собраниях „Эльзото“ представитель „Лена Гольдфильдс“ имел большинство голосов, ибо голоса считались по количеству акций. Таким образом все дела „Эльзото“, вплоть до назначения правления, решало английское общество единолично, и „Лена Гольдфильдс“ сделалось фактически полным хозяином приисков.

С этого времени дела „Эльзото“ в Ленском краю пошли самым блестящим образом.

Оно приобретает в свою собственность железную дорогу, которая идет от Бодайбо вглубь приисков. Скупает все пароходство по Лене и Витиму и приобретает все прииски наиболее крупных предприятий в крае. К концу 1910 г. оно становится монопольным (исключительным) владельцем всего края.

Во владении „Эльзото“ к этому времени было 423 прииска с общей поверхностью в 38.600 десятин.

Однако, сделавшись владельцем ленских приисков, общество „Лена Гольдфильдс“ продолжало находиться в тесной и трогательной связи с царским правительством и пользовалось полной поддержкой государственного аппарата для своих спекулятивных операций.

Бояновский, директор Государственного банка, продолжал состоять членом правления „Эльзото". Государственный банк через него являлся владельцем акций „Эльзото" на 15.000 рублей и был, таким образом, сильно заинтересован в прибыльности ленских бумаг.

Что Бояновский был не только официальным представителем Государственного банка, но и являлся активным работником „Лена Гольдфильдс", видно из следующего. В связи с разоблачениями после расстрела ленских рабочих Бояновский вынужден был уйти из правления „Эльзото". Последнее устроило ему прощальное собрание акционеров, которое преподнесло Бояновскому адрес. В нем говорилось, что „заслуги Бояновского, преданного делу человека, в течение 10 лет самоотверженно потрудившегося на пользу ленского товарищества, являются неоцененными".

Второй крупной правительственной фигурой, которая усердно работала на пользу английской группы финансовых хищников, являлся В. И. Тимирязев, бывший министр торговли и промышленности. Уйдя с поста министра, он тотчас поступил на службу к обществу „Лена Гольдфильдс".

Когда шеры (так назывались бумаги, выпущенные „Лена Гольдфильдс") сделались излюбленными бумагами русской биржи, то для руководства спекулятивной игрой этими бумагами на русской бирже общество „Лена Гольдфильдс" назначило особый комитет, который и состоял из Тимирязева, А. И. Путилова и А. И. Вышнеградского.

Но не только министры действующие и министры в отставке были заинтересованы в прибылях „Эльзото". Акционерами его являлись также и члены царской фамилии. Трещенков (помощник начальника иркутского жандармского управления, расстрелявший ленских рабочих) говорил, как вещь хорошо известную в жандармских кругах, что акционерами „Эльзото" состоят граф Витте, министр Тимашев и государыня императрица Мария Федоровна.

Все это и являлось причиной того почтения и внимания, которыми русские министры окружали не только само правление „Эльзото", но даже его верных служак — исполнителей его воли.

Когда „Эльзото" устраивало обеды в честь главного управляющего ленскими приисками Белозерова, то тогдашний министр торговли и промышленности Тимашев считал своим долгом или присутствовать на обеде, или лично посылать Белозерову извинительные письма, где он рассыпался в любезностях перед ним.

Интерес и покровительство, с которыми относилось русское правительство к „Эльзото“, станут вполне понятными, если мы взглянем на те доходы, которые оно давало своим акционерам.

В 1909—1910 г. „Эльзото“ подняло добычу золота до 820 пудов в год. Чистая прибыль, которую оно получило в 1909 г., равнялась 4.908.852 рублям, в 1910 году — 6.812.925 рублям и в 1911 г. — 5.273.000 рублей.

Проценты, которые „Эльзото“ в связи с этим платило держателям своих бумаг, были необычайно высокие. Так, в 1910 году было выдано 56 рублей прибыли на каждые 100 рублей акций, то-есть 56%.

Главным источником этих дивидендов являлись неслыханная нищета и эксплоатация ленских рабочих.

Но помимо прямого обогащения за счет своих белых рабов, „Лена Гольдфильдс“ увеличивало свои капиталы игрой на повышение и понижение своих бумаг за счет разорявшейся при этом мелкой буржуазии. Первоначально ленские бумаги (шеры) имели обращение на лондонских и парижских биржах, а с 1910 г. они в большом количестве появились и на петербургской бирже и сделались здесь излюбленными бумагами для спекуляции.

Создание биржевой горячки, игра на повышение и понижение являлись одним из важных источников дохода „Лена Гольдфильдс“.

И в этом смысле расстрел рабочих на Лене принес им также большой доход. Во время стачки акции „Эльзото“ ценились по 3.425 рублей, тотчас же после расстрела они вскочили в цене до 3.540 рублей.

Таким образом пролитая в далекой Сибири кровь рабочих перелилась сюда, в карманы ловких спекулянтов, звонким золотом.

3. Администрация приисков.

Правление „Эльзото“ находилось в Петербурге. Во время ленской стачки председателем его был М. Э. Мейер, директорами правления: Александр и Альфред Гинцбурги, Бояновский, В. Н. Липин [1]) и др.

На приисках всеми делами на месте ведала приисковая администрация. Главное ее управление находилось на Надеждинском при-

[1]) Липин — член горного ученого комитета.

иске. Здесь же находилась контора, народный дом, приисковый мировой судья и другие административные учреждения.

Все прииски товарищества в административном отношении делились на 3 дистанции. В первую и третью дистанцию входили прииски, расположенные в отдалении Олекминского округа. Они не являлись крупными.

Центром промышленных работ была вторая дистанция, расположенная в Витимском горном округе. В состав ее входило наибольшее количество крупных приисков, при чем самые богатые прииски лежали по реке Бодайбо.

Во главе всей ленской администрации стояли главный управляющий И. Н. Белозеров и его помощник Теппан. Наиболее крупной фигурой являлся Белозеров.

Самые умеренные правительственные чиновники отзывались о нем как о хищнике уголовного пошиба. Так, сенатор Манухин пишет, что „с требованиями закона, если они для него оказывались неудобными, Белозеров считаться не любил“... А горный исправник Кржижановский в своем докладе по начальству так характеризует Белозерова: „Природный ум, сметка, нахальство, полное отсутствие нравственных качеств, — дитя иркутских подонков, неоднократное выступление в роли альфонса, — вот те отличительные черты, которыми обладал Белозеров“.

Белозеров сам характеризовал себя и свою систему следующей излюбленной им поговоркой: „У меня от коня остается только грива да хвост, а от вас (рабочих) только нос“.

Но указанные качества являлись как раз чрезвычайно ценными и для правительства и для „Эльзото“.

Последнее не только устраивало обеды совместно с министрами своему управляющему. Оно выказывало ему признательность и тем, что платило ему огромное жалование. По должности он получал 60 тысяч рублей в год, а кроме того отдельное вознаграждение в 100 рублей за каждый пуд намытого рабочими золота. Все это вместе давало Белозерову „заработок“ в 140 тысяч рублей в год, в то время как средний годовой заработок ленского рабочего равнялся 480 руб.

Административный аппарат был построен на системе шпионажа. Доносы, всевозможные способы выслуживания деморализовали вконец служащих. Униженное подхалимство перед начальством, с одной стороны, и площадная ругань, обмеры, обвешивание и избиения рабочих, с другой, — таково было поведение служащих. Поздороваться с рабочим считалось преступлением, а присесть с ним вместе за

стол — это грозило расчетом. Рабочие увольнялись, штрафовались по первому доносу со стороны служащих.

И чтобы сделать служащих и администрацию своими верными агентами, „Эльзото“ продавало им шеры и помогало играть на бирже так, что они никогда не проигрывали.

Кроме всего этого, для рабочих на приисках не было ни судебной власти, ни полиции, к которой они могли бы обратиться с жалобой на насилие со стороны администрации или служащих.

И мировые судьи, и полиция, и солдаты со своим начальством, бывшие на приисках, фактически являлись служащими „Эльзото“ и от него всецело зависели. Солдаты с начальством и низшие полицейские чины получали от него и довольствие, и жалование, и наградные. Полицейские урядники получали от „Эльзото“ добавочное вознаграждение — 18 рублей в месяц на прислугу, 25 руб. — на канцелярские расходы, 40 — 60 рублей — на наем письмоводителя. Кроме того, от „Эльзото“ они получали крупные суммы на организацию сыскной части — по 2 — 3 тысячи рублей.

Почтовое сообщение, почтово-телеграфных чиновников, бодайбинскую тюрьму, местных мировых судей и горно-полицейскую стражу „Эльзото“ также содержало всецело на свой счет. Оно же отводило свои квартиры всем этим чинам, и в том числе окружным инженерам и податным инспекторам, и содержало их канцелярии.

Стоило лишь тому или иному правительственному чиновнику в чем-нибудь выступить против „Эльзото“, как его тотчас же брали измором: лишением отопления, электричества и тому подобного, не говоря уже о жаловании, наградных и прочем.

Неудивительно поэтому, что для ленских рабочих издавна существовало полное тождество между приисковой администрацией и судебной и полицейской властью на приисках.

4. Положение рабочих на ленских приисках

„Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках.
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах“.

Некрасов.

Срок найма и выдача заработка.

Рабочие на Лене были в полной экономической кабале. Самый договор найма, который они подписывали, нанявшись к „Эльзото“, делал их рабами приискового начальства.

Ленский район не был соединен железною дорогой с Иркутском. Он был совершенно отрезан от всего мира. Попасть с ленских приисков к железной дороге можно было только зимой на санях, а летом по Лене. При этом ехать по льду Лены на санях надо было 1.700 верст, а путешествие по ней на лодке тянулось 130 дней.

Понятно, что подобная дорога обходилась очень дорого. Летом за переезд платили более 40 руб. с человека, т.-е. больше месячного заработка рабочего. Таким образом, приехав на прииски, рабочий попадал как бы в ловушку, из которой не мог выбраться. Поэтому рабочему было очень важно, чтоб администрация вывозила его на свой счет с приисков.

Осенью и весною, когда начиналась распутица, Ленский край совершенно отрывался от остального мира на 2—3 месяца, и выбраться с приисков было невозможно.

Первый же пункт договора гласил, что рабочий нанимается до 10 сентября, что было очень невыгодно рабочему. По договору администрация обязывалась по окончании срока найма доставить его бесплатно до Киренска, остальные же 1.000 верст рабочий в осеннюю бездорожицу должен был ехать за свой счет. А так как ехать было нельзя, то ему приходилось проживать в Киренске без работы, дожидаясь, когда установятся дороги.

Поэтому одним из главных требований рабочих было перенесение срока найма на лето. Тем более, что осень и вообще является тем временем года, когда всего труднее найти новую работу. Кроме того, в договоре „Эльзото“ обязывалось доставлять до Киренска только тех рабочих, которые проработали до 10 сентября. Если же рабочий сам рассчитывался ранее, или же его рассчитывала администрация раньше срока договора, то он лишался и этой льготы, и должен был выбираться с приисков всецело за свой счет.

А рассчитать его „Эльзото“ могло по своему произволу за что угодно. Договор не защищал рабочего. Так, одной из причин расчета выставлялась просто „леность“, под которую, конечно, можно подвести все.

Вот эта-то вечная боязнь быть рассчитанным до конца договора, страх остаться без работы и хлеба в пустыне, из которой не на что выбраться, заставлял рабочих со всем мириться, всему подчиняться.

Особенно безвыходным стало положение рабочих с тех пор, как „Эльзото“ захватило весь край в свою собственность. Раньше рабочий мог уйти работать на соседний рудник к другому хозяину, те-

перь же администрация заносила его в черные списки, делала на его паспорте отметки, и на протяжении тысячи верст кругом он не мог поступить на работу, тем более, что все поселки, пароходное и прочее сообщение было теперь собственностью „Эльзото".

Кроме того, жилища рабочих тоже принадлежали приискам, и при уходе с работы их оттуда выселяли. Поэтому для большинства рабочих расчет с работы до конца договора был почти равносилен смерти.

Следующим пунктом договора, который очень тяжело ложился на рабочих, был тот, по которому полный заработок администрация имела право выдавать им лишь раз в год — осенью. Поэтому каждый месяц „Эльзото" выдавало рабочим лишь часть заработка; однако и осенью оно этого тоже не делало.

Каждый год за „Эльзото" оставалась задолженность рабочим на крупную сумму. Так, к 1 октября 1906 г. оно было им должно 210 тысяч, а к осени 1911 г.— 459.037 руб. [1]).

Таким образом „Эльзото" без всяких процентов держало у себя крупные деньги, принадлежащие рабочим, и усиливало эксплоатацию рабочих на их собственные гроши.

Рабочий день.

Рабочий день по договору летом был $11^1/_2$, а зимой 11 часов. На самом же деле он был гораздо больше. Дело в том, что распределение на работы происходило в 5 часов утра, вместо 6 часов, когда по договору начинался рабочий день.

Таким образом тот, кто не приходил к 5 часам, или отсылался домой, и день этот засчитывался ему, как прогул, или же опоздавший попадал на худшую работу.

Кончали работу вместо 6 часов в 7. Таким образом рабочий день длился от 5 часов утра до 7 часов вечера. За вычетом 2-часового перерыва на обед, рабочий день длился полных 12 часов.

Кроме того, в рабочий день не засчитывалась ходьба от жилища, а рабочие жили в казенных бараках, которые иногда очень далеко отстояли от шахт. Были случаи, что рабочим приходилось ходить за 10 верст на ту работу, куда их посылали. Рабочий день такого рабочего удлинялся с ходьбой до 17 часов в сутки.

---

[1]) В 1911 г. этому безобразию был положен конец, и по постановлению иркутского горнозаводского присутствия деньги были рабочим уплачены.

Положение жен и детей рабочих.

Но не только сам рабочий, приезжающий на прииски, попадал в рабство к администрации приисков. Еще в худшее рабство попадали его жена и дети.

Жен и детей рабочие имели право привозить с собой лишь с разрешения управления приисков, но как только они приезжали, рабочий по договору обязывался посылать их на работу по первому требованию: „Отказываться от работы прибывшие с ними члены семьи не в праве", гласил договор.

Пользуясь этим пунктом договора, „Эльзото" эксплоатировало детей, подростков, заставляя их работать по 12 часов в день за 50 к.

На основании же этого пункта администрация превратила жен и дочерей-подростков рабочих в своих белых рабынь. Вот как описывают сами женщины свое положение [1]):

„Нам приходится выполнять всякие работы, включительно с таскaнием тяжестей, а также и мужские работы. Работать приходится более 12 часов, а также и ночные работы.

„Помимо нашего труда от нас еще требуют и наше тело. Когда мы не поддаемся, то нам не проводят рабочее время, выдворяют из казармы, штрафуют, мужьям нашим заявляют, чтоб они внушили нам слушаться, чтобы „проучили", и если нас мужья не проучивали, то их наказывали всякими придирками или рассчитывали с работы.

„Насильственным путем они заставляли нас выполнять работы, не считаясь с нашими заявлениями о болезнях. Выгоняли на работы плетьми, отрывая от грудных детей".

Поэтому требование отмены принудительного труда женщин и детей было одним из основных требований забастовавших рабочих.

Заработная плата.

Как только „Эльзото" скупило все прииски в крае, оно тотчас уменьшило повсеместно заработную плату. Если раньше в сухих забоях рабочим платили 1 р. 80 к., то теперь понизили до 1 р. 50 к. В мокрых забоях раньше платили 2 р. 50 к., теперь 1 р. 90 коп. Чернорабочий раньше получал 1 р. 60 коп., теперь 1 р. 35 коп.

Все это, конечно, вызывало повсеместное глухое недовольство рабочих.

---

[1]) Жалоба женщин, поданная окружному инженеру.

В общем, заработная плата рабочих колебалась от 35 до 48 рублей в месяц. 22,8% всех рабочих получали заработную плату от 30 до 35 рублей, 35% всех рабочих получали от 36 до 40 рублей и 25% от 41 до 45 рублей. Остальная, незначительная часть рабочих получала или меньше 30 рублей или больше 45 рублей.

Но действительная заработная плата, благодаря разным ухищрениям администрации, была гораздо ниже. И если мы возьмем наименьшее количество продуктов и одежды, нужное для одного рабочего по тем ценам, по которым ему отпускали на рудниках, то увидим, что средний расход одного взрослого рабочего равнялся 37 руб. 50 коп. в месяц. Таким образом одинокие рабочие, получавшие менее этой суммы, а их было очень много, обречены были на недоедание. Спрашивается, как же жили семейные рабочие?

И, однако, несмотря на огромную прибыль, достигавшую нескольких миллионов рублей (в 1910 г. „Эльзото" получило чистой прибыли почти 7 милл.), ни разу администрация не сделала ни одной попытки увеличить заработную плату. Наоборот, все ее заботы направлялись в ту сторону, чтобы окончательно обобрать рабочего, выжать из него последнюю копейку.

Администрация систематически проводила обмеры и обвесы извлеченной рабочими руды, неправильно подсчитывая их работу. Когда приехала манухинская ревизия, при которой неудобно было обмеривать рабочих, то без всяких усилий со стороны рабочих их заработок сильно поднялся. Так, рабочие на промывке песков вместо прежних 1 р. 50 коп. вырабатывали теперь по 2 р. 10 коп. и по 2 р. 30 коп. в день. Значит, ранее их каждодневно обмеривали на 60 и 80 коп.

Но этим дело не кончалось. „Эльзото" стремилось и те деньги, которые оно платило рабочим, тотчас же выкачать обратно. Поэтому на приисках были открыты лавки от администрации, и рабочие обязаны были покупать товары в них. Частную торговлю администрация на приисках запретила и за частными торговцами гонялась, как за зайцами.

Один бодайбинский торговец рассказывал, что не было такой каталажки на приисках, в которой он ни посидел бы за свою торговлю в разнос.

Рабочих за покупки у частных торговцев свирепо преследовали. Так, рабочий Петров был рассчитан с работы за то только, что его жена осмелилась купить у частного торговца четверть фунта табаку.

А между тем цены в лавках у „Эльзото" были значительно выше, чем у частных торговцев. Так, сахар в частных лавках стоил 23 коп.

фунт, а у „Эльзото“ 25 коп., мука у частных торговцев — 4 р., а у „Эльзото“ — 4 р. 40 коп. за пуд и т. д.

Чтобы лишить рабочего возможности покупать у частных торговцев, „Эльзото“ прибегло еще к одной уловке. Оно принудительно выдавало рабочим значительную часть заработной платы талонами на свои магазины.

Таким образом, хочешь или не хочешь, а приходилось итти в приисковую лавку. В других местах этих талонов не брали. При этом талон выдавался на сравнительно крупную сумму. Сдачи с него и в приисковой лавке не давали, и приходилось забирать товары на весь талон.

Грабительская торговля в приисковых лавках давала большой доход „Эльзото“. Даже по уменьшенным цифрам (которые само „Эльзото“ сообщало в казну для уплаты торговых налогов), товарищество получило в операцию 1909/10 г. 652.150 рублей чистой прибыли от торговли своих магазинов.

Продовольствие рабочих.

По договору необходимыми припасами продовольствия рабочих должна была снабжать приисковая администрация. Действительно, нескольким тысячам рабочих, заброшенным почти за 2 тысячи верст от железной дороги, негде было достать себе необходимые продукты. И снабжение продовольствием взяло на себя „Эльзото“. При этом стоимость выдаваемого продовольствия оно вычитало потом из заработной платы.

И в этом опять был неисчерпаемый источник притеснений для рабочих и наживы для администрации.

В своей докладной записке сенатору Манухину рабочие так писали о выдаваемом продовольствии:

„Товарищество должно было, согласно договора, доставлять нам доброкачественные продукты, которых в тайге помимо приисковой лавки достать почти нельзя, особенно при условии задержки товариществом денег.

„Провизия нам доставлялась недоброкачественная: мясо часто несвежее, синевато-черное, обрезки, с нарывами. Часто рабочие на это указывали служащим, выдающим мясо, но те говорили: „Не хочешь, — не бери и уходи без мяса“, и книжки обратно выбрасывались.

„Заставляли брать в очередь коровьи головы с вынутыми языками. Были случаи, что в мясе выдавали половые члены, что удостоверено протоколом полицейского урядника.

„Хлеб нам давался из непросеянной муки с различными примесями (мочалой, щепками, соломой и другими посторонними предметами), капуста давалась в малом количестве, фунта 2—3 в неделю, и бывало, что капуста совсем не выдавалась недели по 3—4, при чем в первую очередь давалась служащим, а потом уж нам, конечно, выборки.

„Картошка была у нас тоже в редкость, при чем порченая и мерзлая. Рыбу давали невозможную, которая сырая была похожа на вареную. Масло было плохое, пестрое, с плохим запахом.

„Воду рабочие получали очень скверную. Они должны были пользоваться ключем „Дагалдын", у которого были расположены отхожие места и в который стекают нечистоты, а служащим привозят вполне пригодную воду из Гачинского ключа".

Так заботилось „Эльзото" о продовольствии рабочих, которые своим трудом давали ему миллионные прибыли.

Условия работы в шахтах.

Самая работа ленского рудокопа, которая так нищенски оплачивалась, протекала в каторжных условиях.

Золото, которое добывалось на Лене, лежало в пластах других пород, глубоко под землей, в полосе вечной мерзлоты. Чтобы откалывать его кайлами, надо было предварительно оттаять породу.

У стены породы, которую должен был дробить забойщик, ставили костры из угля и дров. Когда костры разгорались, то огонь засыпали углями, и медленное горение продолжалось 12—14 часов. Так приготовлялись пласты для забойщиков каждый день.

И благодаря тому, что вентиляция в шахтах совершенно отсутствовала и воздух перед спуском в шахты не испытывался, постоянные массовые отравления углекислотой сопровождали работу шахтеров.

Отравления происходили также оттого, что при взрывах пластов, не поддающихся кайлу и лому, „Эльзото" употребляло скверный динамит. От него образовывалось много газов, которые вызывали тошноту и головокружение у рабочих.

Самый спуск в шахты был так небрежно сделан, что постоянно угрожал жизни спускавшихся шахтеров. На глубину 20 и более саженей висели почти вертикальные лестницы. По ним почти в темноте спускались один за другим рабочие с инструментами. Вследствие грязи, налипавшей на лестнице, и темноты рабочие часто срывались и падали вниз или у них падал инструмент и ранил спускавшихся ниже.

Администрация скрывала несчастные случаи, но горным надзором все же было зарегистрировано в 1911 г. 896 несчастных случаев на общее число 5.442 рабочих, то-есть 164 человека на каждую тысячу.

В приготовленной для работы забойщика талой шахте рабочему приходилось работать в страшной мокроте, когда вода часто лилась не только по нижней поверхности шахты, но лилась и сверху и с боков, при температуре 4—6°. Не спасали ни широкополые кожаные шляпы, ни армяки из кожи. Человек промокал до нитки.

При выходе из шахты обсушиться было негде, так как теплушек для рабочих не было. Приходилось итти до своей казармы $1^1/_2$—2 и даже 5 верст мокрым, а зимой еще и по морозу, который в Ленском крае часто месяцами стоит по 40°. По дороге на шахтере все обмерзало, и в казарме он должен был сначала оттаять, чтоб снять с себя одежду.

Такова была работа забойщика. Не менее тяжела была и работа откатчика, который отвозил добытый песок. Песок нагружался на деревянную тачку по 7—8 пудов, и откатчик должен был отвозить ее на 100—150 саженей. Дорога шла по старым гнилым доскам, и $^3/_4$ груза висели у него на руках.

Золото появлялось здесь на свет облитое кровью рабочих, в буквальном смысле слова.

В результате тяжелых условий труда даже самые здоровые люди не могли выдержать под-ряд более 2—3 лет работы на приисках, а рабочие, работавшие 4-й год на приисках и более, составляли незначительный процент.

Жилища рабочих.

Что касается до жилищ, в которых „Эльзото“ держало своих рабочих, то даже иркутский губернатор Бантыш писал о них в 1911 г.:

„Жилищами рабочих я просто был поражен. Наживая от труда рабочих миллионы, „Эльзото“ не считает своею обязанностью предоставить им даже сколько-нибудь сносные жилища“.

Действительно, даже общая картина приисков поражала своей растрепанностью, хаотичностью и производила удручающее впечатление. Рабочие жили в приисковых поселках, в жалких разрушающихся казармах, подпертых кое-где деревянными подпорками, с разбитыми стеклами, прогнувшимися крышами.

Из 103 казарм, в которых жили рабочие 2-й дистанции, по определению даже правительственного фабричного инспектора, только

15 находились в удовлетворительном состоянии. Остальные 88 были совершенно непригодны для жилья.

Зимою в них было так холодно, что мокрые сапоги примерзали к полу. Рабочие спали в шапках, так как изголовья нар приходились у промерзающих стен.

Теснота в этих помещениях была такая, что не было свободного простенка, чтоб повесить умывальник, негде просушить одежды. Она складывалась в сундуки под нары, размещалась на полках, пересекающих казарму крестообразно по направлению к очагу-плите.

Вода с мокрой одежды ручьями стекала на пол, а оттуда в подполье через щели в полу. На очаге стряпали, согревали воду в чайниках, а пространством над плитою пользовались в качестве сушилки. На полках были наставлены намокшие валенки, повешены штаны, куртки, словом — весь гардероб рабочего. Все это сохло, и испарения наполняли все помещение, как это бывает в банях.

Благодаря такой тесноте, рабочим после грязных работ негде было привести себя в порядок и почиститься. Не малое количество рабочих и детей принуждены были за отсутствием места спать на полу и под нарами. Ревизия Манухина наблюдала случай, когда ребенок помещался на полу под полкой для мытья посуды, у самой плиты.

Грязь, теснота, нищета, зверское отношение со стороны администрации, отсутствие культурных развлечений, пьянство, поощряемое администрацией, разврат в казармах, который происходил на глазах у всех, превращали жизнь рабочих в ад.

И в этой атмосфере воспитывались сотни детей, росло молодое рабочее поколение. С ранних лет оно было обречено воспринимать все пороки, грубость и одичание, которые окружали его.

Этим самым „Эльзото“ не только медленно убивало тысячи работавших у него рабочих, но и создавало целые поколения вырождающихся людей.

5. Начало стачки и ее организация.

Наконец, в 1912 г. терпение рабочих лопнуло. Тяжкий экономический гнет и полное бесправие, в котором держало „Эльзото“ своих рабочих, породили могучий протест. 6.258 рабочих (не считая женщин и детей), разбросанных по рудникам огромного Ленского района, почти одновременно прекратили работу.

Поводом к забастовке послужила выдача плохого мяса на Андреевских приисках одному рабочему. В выданном мясе темносинего

цвета рабочие обнаружили конский половой орган. Известие об этом издевательстве было той искрой, которая и произвела взрыв.

Рабочие узнали о полученном мясе 28 февраля, а на утро 29 февраля Андреевские прииски бастовали. Забастовавшие андреевцы послали своих гонцов на ближайшие прииски, и забастовка начала быстро распространяться.

В течение ближайших 4 дней забастовали все главные прииски, а к 14 марта к забастовке примкнули и все дальние прииски. Забастовка охватила 423 прииска и сделалась всеобщей.

Одновременно с возникновением забастовки на каждом отдельном прииске рабочие выбирали из своей среды выборных для переговоров с администрацией. Из этих выборных и составились те рабочие комитеты, которые руководили стачкой на каждом данном прииске.

Большею частью эти выборные — члены рабочего комитета — были вожаками рабочих данного прииска. Они были самыми популярными ораторами на собраниях рабочих и наиболее активными агитаторами во время забастовки.

Рабочие комитеты вели сношения с центральным рабочим стачечным бюро, которое руководило всей забастовкой. Рабочие же комитеты производили сборы денег на нужды забастовки, принимали жалобы рабочих, составляли заявления и требования от рабочих своего прииска и т. п.

Сборы денег вообще не были велики. Так у выборного Александровского прииска при обыске был найден денежный отчет, из которого было видно, что рабочие этого прииска собрали всего 110 р. 10 к., из них 63 р. 47 коп. сдали в центральное бюро, а остальные оставили для стачечных нужд своего прииска. Собирали по 3, 5 и 10 копеек, смотря по состоянию рабочих. Рабочий Болотов в своих показаниях говорил, что он за все время забастовки уплатил 1 р. 10 коп.

Кроме рабочих комитетов, объединявших все забастовавшие рудники данного прииска, существовала еще более низовая массовая организация, это — старосты бараков.

Почти вслед за возникновением забастовки рабочие каждого барака выбрали у себя старосту. Староста являлся неограниченным хозяином барака. Он отвечал за все беспорядки в бараке, как то: драки, пьянство, самовольные отлучки и прочее. Он следил, чтобы не было шпионажа в бараке, чтоб рабочие не ходили к служащим, следил за стачечной дисциплиной.

Так как каждый барак ночью охранялся от налетов полиции и пр., то староста назначал и проверял караульных. Он же устраивал сборы денег по приказанию рабочего комитета в своем бараке. Старосте назначалось два помощника. Жаловаться на старосту можно было лишь в совет старост данного прииска, последний же подчинялся рабочему комитету и через него получал все постановления и директивы центрального бюро.

Даже женщины, которые находились в постоянной войне между собой из-за плиты, выбрали старостиху, которая наблюдала и распределяла очереди.

Таким образом в лице старост и рабочих комитетов у забастовавших рабочих была создана стройная и гибкая организация.

Организация эта возникла стихийно из низов рабочих. Основанная на огромном энтузиазме рабочих масс и их классовом самосознании, она сыграла чрезвычайно большую роль в движении. Достаточно было посланцу с других приисков или от центральнаго бюро передать что-нибудь старосте одного барака, как это делалось известным всем баракам и приискам. Поэтому во все время стачки, длившейся 4 месяца, все выступления рабочих отличались таким массовым и стройным характером.

Так же стихийно в первые же дни стачки возник и стачечный центр забастовки, который назывался „центральное бюро".

Помещалось оно на Надеждинском прииске, потому что там жила администрация, там же помещалось и главное управление всех приисков.

С другой стороны, на Надеждинском прииске жило несколько политических ссыльных, работавших в качестве слесарей в мастерских. Часть их вошла в рабочий комитет Надеждинских приисков. По практическим соображениям выборные других приисков поручили этому рабочему комитету поддерживать связь с остальными приисками, и таким образом они превратились в руководящий центр забастовки, в „центральное бюро". Оно состояло из Баташева, Попова, Думпе, Зелионко и Григория Черепахина. Почти все они были политические ссыльные — рабочие слесаря и плотники.

Наиболее популярным оратором среди рабочих и руководителем движения был Павел Баташев, рабочий-слесарь, с.-д. большевик. „Он был из тех людей, которые, обладая даром слова, стихийно выбираются массой, как ее выразители", пишет Думпе.

По воспоминаниям другого активного участника движения, выборного Бавыкина — „Баташев считался у нас, как председатель

совета выборных... окончательные требования вырабатывались также Баташевым. Думпе был одним из ближайших сотрудников Баташева, как равно Зелионко, Черепахин, Попов и др.".

Помимо официального центрального бюро, существовал тайный совет. О его существовании знало лишь ограниченное число участников. Состоял он из Думпе, Гр. Черепахина, Розенберга и Будевица. Обычно тайный совет обсуждал предварительно все вопросы. Он же выпустил во время стачки несколько гектографированных воззваний.

Тактика, которой держалось большинство этой руководящей группы и центрального бюро, была чрезвычайно осторожна. Они не хотели вовлечь рабочих в политику, боясь, что это вызовет разгром стачки. Они наивно думали, что путем чисто экономической стачки они смогут добиться улучшения жизни рабочих.

Поэтому никакие речи на политические темы на собраниях рабочих ими не допускались. Если оратор все же влезал на бочку и пытался говорить о политике, то его „просто спихивали с бочки без всяких церемоний". Думпе пишет, что он „страдал за свои такие поступки", но иначе поступать „не находил возможным".

Такая же умеренность сквозила и в других моментах руководства. Даже телеграммы от имени рабочих бюро из предосторожности посылало одновременно в ряд адресов, начиная с Полетаева (член с.-д. фракции государственной думы — большевик) и кончая Милюковым и биржевым комитетом.

Однако эти иллюзии чисто экономической борьбы, вне политики, самодержавие, согласно своим традициям, разбило одним взмахом, расстреляв 500 безоружных рабочих.

Не на высоте положения оказались руководящий стачечный центр и большинство выборных и при ведении чисто экономической борьбы, как мы увидим ниже, они поддались провокаторским увещеваниям Тульчинского и чуть было не сорвали стачку вскоре после ее возникновения.

6. Требования рабочих и главные моменты борьбы до расстрела.

После первых разрозненных требований отдельных приисков, с разрешения полиции, было созвано общее собрание всех забастовавших приисков.

На собрании присутствовало 5 тысяч рабочих. Оно продолжалось около трех часов на площади у народного дома на Надеждинском

прииске. Рабочие высказали свои нужды и поручили группе, лиц из 15 — 20, руководившей собранием, оформить и написать требования от всех забастовавших приисков.

Требования были написаны и на утро утверждены на вторичном общем собрании рабочих.

Главные требования были: 1) 8-часовой рабочий день, 2) прибавка жалованья всем без исключения на 30%; 3) выдача продовольствия должна производиться в присутствии рабочих уполномоченных, а по качеству продукты должны быть одинаковы с теми, которые выдаются служащим; 4) хлеб ржаной должен быть сеяным; 5) предоставление семейным рабочим отдельных от холостых комнат; 6) увольнения должны быть летом и уволенным рабочим администрация должна дать бесплатный проезд с семьей до Жигалова; 7) уплата жалованья должна производиться ежемесячно полностью; 8) чтоб администрация не увольняла по личным капризам, а делала это с ведома рабочей комиссии; 9) непринужденность женского труда; 10) вежливое обращение администрации: рабочих называть не на „ты", а на „вы".

Остальные требования в большинстве сводились к требованию исполнять фабричные законы того времени, с которыми „Эльзото" не считало нужным считаться и которые постоянно нарушало.

„Эльзото" решительно отказалось исполнить что бы то ни было из предъявленных требований. Оно согласилось лишь за свой счет осветить середину казарм и не рассчитывать никого из забастовавших рабочих, если они встанут на работы 6 марта.

В то же время, чтоб скрыть злоупотребления в шахтах, оно тайно приказало приисковой администрации начать затопление шахт. Но рабочие не дали привести в исполнение эту уголовную проделку. Узнав об этом распоряжении, они подняли вокруг этого дела шум, послали ряд телеграмм в центр, и администрация успела затопить лишь одну-две шахты.

7 марта правление „Эльзото" телеграфировало из Петербурга новые уступки рабочим. Они были второстепенного характера и сводились к согласию исполнять законы и постановления по охране труда, которые существовали в то время и неисполнение которых даже по законам того времени являлось уголовным преступлением.

Вот некоторые из этих уступок: „Эльзото" соглашалось: „устраивать казармы согласно постановлениям горнозаводского присутствия",

„выдавать продовольствие на равных условиях со служащими", „увольняемых рабочих удовлетворять расчетом по закону", „оказывать медицинскую помощь без промедления" и т. д.

В ответ на эти „уступки" собрание выборных рабочих, заседавшее 9 марта в народном доме, решило забастовку продолжать. 13 марта „Эльзото" еще раз подтвердило, что ни одно из существенных требований рабочих оно не намерено исполнить, и переговоры между забастовавшими и администрацией прекратились вплоть до приезда Тульчинского (22 марта).

Однако своими объявленными от 7 марта уступками „Эльзото" само признавало, что до этого времени оно не считало нужным исполнять даже жалкие царские законы об охране труда. Борьба ленских рабочих в этот момент сделалась уже известной всей России. И горный департамент, который был обязан следить за исполнением этих законов, был сконфужен. В результате в Иркутское горнозаводское присутствие пришло от него приказание произвести расследование на месте.

7. Две тактики срыва забастовки.

На-ряду с мирными переговорами „Эльзото" повело самое энергичное наступление на рабочих иными путями, стремясь сорвать их стачку.

Кампания по срыву забастовки велась всеми способами. Для этого под давлением „Эльзото" был приведен в движение весь правительственный аппарат, начиная с департамента полиции, охранки и жандармов и кончая губернской администрацией.

Общее руководство борьбой с рабочими, вплоть до их расстрела, правление „Эльзото" поручило вести двум своим членам: Альфреду Гинцбургу и И. Н. Белозерову. Оба они находились сначала в Петербурге.

Первые нападения начала на рабочих приисковая полиция. Она стала арестовывать выборных, когда те ходили по делам стачки на соседние прииски. Рабочие решили вызволять товарищей. Они собирались толпой в 500—600 человек и приходили к арестному отделению, требуя его осмотра.

Перед такой демонстрацией полиция пасовала и разрешала делегатам рабочих осматривать помещения. Таким путем рабочие осмотрели арестные помещения Александровского и Феодосиевских приисков и один раз поезд, где по слухам везли арестованных.

Тогда полиция стала увозить арестованных на дальние прииски. Так увезли было выборного Демидова на Верненский прииск. Но тотчас же поднялись местные рабочие; пришли и освободили Демидова.

Все эти осмотры и освобождения носили совершенно мирный характер, однако сейчас же в Петербург и иркутскому губернатору Бантышу полетели телеграммы от управления приисков, где рабочих обвиняли в безобразиях и буйстве и просили прислать войска.

Подобная телеграмма нужна была „Эльзото", как повод. Ссылаясь на нее, оно обратилось к министру внутренних дел Макарову и министру торговли и промышленности Тимашеву с просьбой о скорейшей посылке войск. Одновременно „Эльзото" 5 марта послало телеграмму Бантышу, где просило его прислать на прииски войска „хотя бы за счет товарищества" и выслать с приисков „неблагонадежный элемент".

Бантыш, знавший из донесений полиции и окружного инженера с приисков о совершенно мирном течении забастовки и не желая обострять положение, ответил, что „в посылке нижних чинов необходимости не встречается".

Иначе посмотрели на дело центральные власти. Они всецело были заинтересованы, как и „Эльзото", в том, чтобы сорвать скорее стачку. Поэтому министр торговли и промышленности сам, минуя иркутского губернатора, телеграфировал командующему иркутским военным округом приказ о посылке войск в Бодайбо. Войска, конечно, тотчас были посланы.

Узнав о посылке войск, „Эльзото" начало всеми мерами провоцировать рабочих на открытый бунт.

По приказанию из Петербурга расчетные книжки с деньгами были переданы мировым судьям для выдачи рабочим, так как они отказывались брать расчет. Паспорта были переданы исправнику тоже для выдачи рабочим.

Таким образом „Эльзото" как бы уволило всех рабочих и на основании этого приступило к выселению их из казарм. Правление приисков так энергично принялось действовать, что 13 марта у мирового судьи было возбуждено уже 1.199 исков о выселении рабочих.

Несмотря на то, что кругом в тайге не было никакого жилья на тысячи верст, мировой судья, как верный служака „Эльзото", 15 марта рассмотрел 32 первых иска и приговорил 32 рабочих семейства к немедленному выселению. В то же время совещание всех

заведывающих приисковыми управлениями во главе с Теппаном постановило прекратить выдачу продовольствия рабочим и выдавать его только за наличные деньги.

Выселение рабочих из казарм и прекращение выдачи продовольствия в тот момент было равносильно объявлению им смертного приговора. Санное сообщение уже прекратилось, и выехать из района приисков было невозможно еще в течение 2 месяцев. Следовательно, рабочие выгонялись прямо в тайгу. Так же обстояло и с продовольствием, так как его негде было получить, кроме приисковых лавок.

Меры эти, как и полагала администрация, должны были вызвать голодный бунт. Приведение их в исполнение она отсрочила поэтому до прибытия войск. Но весть о них дошла до рабочих и, естественно, вызвала величайшее волнение. Центральное стачечное бюро послало в горный департамент об этом возмущенную телеграмму. И даже местный исправник и окружной инженер послали Бантышу телеграмму, где писали, что „массовое выдворение рабочих до навигации невозможно".

Иркутский губернатор, который не был непосредственно заинтересован в прибылях „Эльзото" и в то же время, боясь за свою карьеру, не хотел, чтобы у него в губернии произошли очень уж громкие события, испугался чересчур решительного похода „Эльзото" и решил его одернуть, категорически предписав [1]) местной полиции к выселениям не прибегать и выдавать продукты попрежнему.

Однако, несмотря на запрещение губернатора, как только на прииски прибыли войска, администрация решила приступить к выселению. По ее приказанию исправник Галкин решил попытаться арестовать 12 человек руководителей стачки и выселить 15 рабочих.

Взяв себе на помощь войска, он явился на Феодосиевский прииск. Однако еще ранее его предполагаемое нашествие стало рабочим известно. Те, которым угрожал арест и выселение, скрылись, а исправника встретила двухтысячная толпа.

Рабочие известили и соседние прииски. Со всех сторон к баракам, из которых хотели выселять, по дорогам и тропам двигался народ. Скоро как солдаты, так и полиция были окружены вплотную тесным кольцом рабочих, которое все увеличивалось.

---

[1]) Телеграммой от 17 марта.

Исправник и воинское начальство на это не рассчитывали и растерялись. Вывели солдат на дорогу и скорым маршем повели к Надеждинскому прииску.

Получилось такая картина: солдаты быстро шли впереди, а за ними по пятам шла огромная масса, около трех с лишком тысяч, рабочих. Когда подошли к народному дому на Надеждинском прииске, то навстречу шествию вышла такая же масса с Александровского и других приисков.

Много усилий пришлось приложить исправнику Галкину, чтобы успокоить толпу. Он бегал около толпы, обещал, что никакого выселения рабочих не будет и т. д.

С трудом, после 2-часовых уговоров рабочие разошлись.

Такая же картина была и при попытке администрации не выдавать продовольствия. Вспыхнувшие волнения были так велики, что исправник и окружной инженер даже составили акт о них, где писали, что по их личным наблюдениям невыдача пищевого довольствия так раздражает рабочих, что волнения могут перейти в открытый бунт.

Извещенный о событиях Бантыш еще раз категорически приказал приисковой полиции не производить выселений и обязать администрацию выдавать продукты, пригрозив в противном случае принудительной выдачей.

„Эльзото", хотевшее обострения конфликта, было возмущено поведением иркутского губернатора. Оно тотчас нажаловалось на него министру внутренних дел. Последний сделал резкое внушение Бантышу и потребовал не мешать выселению и отказу в продовольствии. В конце телеграммы Макаров требовал, чтоб Бантыш принял решительные меры к срыву забастовки, поручив привести это в исполнение ротмистру Трещенкову.

Однако на сторону Бантыша стал иркутский генерал-губернатор, и министерство согласилось рабочих пока не выселять и продовольствие им отпускать попрежнему.

Так возник конфликт между „Эльзото" и иркутской губернской администрацией. „Эльзото" потребовало, чтоб правительство взяло на свой счет то продовольствия, которое губернатор заставил его выдавать. А губернатор, чтоб взвалить эти издержки на „Эльзото", начал искать его беззакония.

Найти последние было нетрудно. Иркутское горнозаводское присутствие, не замечавшее в течение ряда лет безобразий, творимых „Эльзото", также вдруг прозрело. На своих заседаниях 17, 18 и

19 марта оно вынесло постановление, где писало, что виновником стачки является „Эльзото“, так как оно первое нарушило договор с рабочими, не выполнив ряда пунктов договора. Тут же присутствие вдруг увидало, что „Эльзото“ не исполняло его постановлений по охране труда и т. д. И иркутский генерал-губернатор Князев 2 мая телеграфировал Манухину о целом ряде нарушений законов со стороны „Эльзото“, указывая, что оно является виновником забастовки.

Однако петербургские центральные власти и правительство слишком тесно были срощены экономически с „Эльзото“ и заинтересованы в его прибылях, чтобы серьезно считаться с провинциальным „либерализмом“.

Иркутское горнозаводское присутствие получило тотчас строгий нагоняй от горного департамента за свое постановление.

А министр внутренних дел и департамент полиции продолжали в дальнейшем вести политику срыва ленской забастовки, всецело по указаниям „Эльзото“ и помимо иркутского губернатора, через иркутское жандармское управление.

Конфликт Бантыша с „Эльзото“ вовсе не означал, что иркутский губернатор был в какой-нибудь мере на стороне ленских рабочих. Он так же, как и „Эльзото“, принимал все меры для срыва и провокации забастовки. Разница между тем и другим заключалась лишь в методе, которым они добивались этой цели.

„Эльзото“ мыслило сорвать стачку, вызвав бунт среди рабочих и устроив им кровопускание. Бантыш и Князев думали действовать более осторожно, не вызывая громкого скандала. Уговоры, ложные обещания, подкуп вождей забастовки, аресты, дезорганизующие движение, — таковы были методы губернской администрации.

После 20 марта Бантыш начал настойчиво требовать от исправника Галкина начать аресты и обыски по указанию следователя. С другой стороны, он предложил горному надзору начать хотя частично работы при помощи штрейкбрехеров под охраной солдат и всемерно культивировать эту меру.

Но главные надежды иркутский губернатор возлагал все-таки на уговоры и обещания, и задачу в этом смысле он возложил на окружного инженера Тульчинского, возвращавшегося в тот момент из Петербурга на прииски.

Роль Тульчинского во время забастовки была чрезвычайно двойственной и по отношению рабочих — предательской. До забастовки, как окружной инженер, который должен был смотреть за исполне-

нием законов об охране труда, он не проявил большого геройства. Он смотрел сквозь пальцы на те безобразия, которые творило „Эльзото".

Но среди полного холопства, которым были проникнуты правительственные чиновники на приисках, он все же являлся некоторым исключением.

Так, в отчете за 1910 г. в горный департамент он осмелился в очень сдержанных выражениях упомянуть о технических недочетах на приисках, о том, что каждый год администрация остается должной рабочим крупную сумму и что „Эльзото" незаконно заставляет рабочих работать в праздники.

Терпеть какую бы то ни было критику своих действий „Эльзото" не желало и нажаловалось на этот отчет министру торговли и промышленности.

В результате — в высших правительственных кругах Тульчинский пользовался репутацией человека не совсем удобного, но его терпели, так как он давал видимость хотя бы некоторой независимости горного надзора.

Однако министр торговли и промышленности за доклад в горный департамент сделал Тульчинскому строгий выговор, говоря, что он в своем докладе „игнорировал интересы предприятия и подрывал престиж и дисциплину в дальней тайге".

Для поправления своей карьеры Тульчинской поехал незадолго до стачки в Петербург. Здесь, на обеде в честь Белозерова, за неделю до стачки он в тосте за здоровье Белозерова указывал на „умелый и гуманный образ действий Белозерова по отношению рабочих".

После такого „укрепления" в Петербурге своей карьеры он и поехал через Иркутск на прииски. В Иркутске он получил от Бантыша указания приложить все усилия к ликвидации забастовки путем уговоров.

Одновременно с Тульчинским на прииски отправлялся ставленник иркутского губернского жандармского управления и департамента полиции — жандармский ротмистр Трещенков. Имевший уже большое грязное и кровавое прошлое, Трещенков был послан на прииски для ликвидации забастовки кровавым путем.

Бантыш в своем докладе иркутскому генерал-губернатору писал, что „Трещенков ехал с определенной целью — сорвать забастовку". Однако он снабдил его особыми полномочиями. Назначая его начальником всей полиции на ленских приисках, Бантыш дал ему пред-

писание, где говорилось, что Трещенков едет по секретному делу и что „все полицейские чины обязаны оказывать ему полное содействие“ и т. д.

Побаиваясь, видимо, чрезмерной энергии кровавого ротмистра, Бантыш одновременно с ним отправил Тульчинского. Оба „героя“ ленских событий выехали вместе из Иркутска 13 марта и приехали в Бодайбо 22 марта.

Рабочие, знавшие, что у Тульчинского был из-за них конфликт с администрацией, думали, что он встанет на их сторону. Поэтому к его приезду на станцию вышла толпа забастовавших рабочих. Тульчинский поздоровался с рабочими и тотчас принялся за свою миссию уговоров. „Печалился, что он встречает рабочих праздными“ и просил ради наступления пасхи и „страдания за нас богочеловека“ стать на работу.

Однако эти гапоновско-религиозные подходы не подействовали на рабочих, и они расстались с Тульчинским, ничего ему не обещав. Это его не разочаровало.

23 марта Тульчинский собрал прежде всего совещание администрации и полиции, на котором присутствовал и Трещенков. Несмотря на заявление представителей управления приисков, что „Эльзото“ ни на какие уступки рабочим не пойдет, он обещался уговорить рабочих стать на работы на 4-й день пасхи.

На другой же день он приступил к выполнению своей миссии, созвав у себя на квартире совещание рабочих-выборных. На нем присутствовало 60 выборных — мужчин и женщин. „Взявши на себя председательство, Тульчинский говорил все время сам, рассказал всю свою биографию, вплоть до того, что жена его живет в Петербурге... в заключение просил стать ни работу“ [1]).

По воспоминаниям выборного Бавыкина, Тульчинский говорил: „Я бы рад для вас, господа, сделать все, что можно, но видите, вот телеграмма, — что она говорит? Она говорит о необходимости поддерживать производство, а не нажимать на него... Если вы любите и уважаете меня, то должны стать на работу, иначе меня отсюда уберут“...

Как это ни странно, но на некоторых выборных эти демагогические уговоры произвели большое впечатление.

Тульчинский в своих уговорах не обещал никаких новых уступок со стороны „Эльзото“. Он обещался лишь присмотреть, чтоб

---

[1]) В кавычки взяты слова из воспоминаний участников совещания.

„Эльзото“ впредь исполняло существовавшие постановления об охране труда. Это была как раз его служебная обязанность и раньше. И теперь он лишь обещался в будущем исполнять ее добросовестно.

После переговоров Тульчинский удалился, и выборные, тайным голосованием всех против 13, решили выйти на работу. Какие мотивы ими руководили — видно из воспоминаний Думпе. Он пишет: „Наше положение было из рук вон плохо. С одной стороны, Трещенков, Преображенский, солдаты и прочее... с другой стороны — выход на работу только благодаря обещаниям Тульчинского“.

13 выборных во главе с Быковым заявили, что они не подчинятся большинству. Они ставили вопрос ребром: или администрация должна принять требования рабочих или рабочие будут продолжать бастовать.

Таким образом большинство выборных испугалось ответственности своего положения и охотно пошло на увещевания окружного инженера. Если бы рабочая масса послушалась их, то забастовка была бы сорвана. Но классовое чутье, руководившее забастовавшей 7-тысячной массой, оказалось достаточно сильным и удержало рабочих от ложного шага!

Напрасно Тульчинский и некоторые выборные выбивались из сил, чтобы уговорить рабочих выйти на работы. Уговоры Тульчинского не имели никаких результатов, и на 4-й день пасхи шахтеры на работу не пошли. Центральное стачечное бюро было вынуждено объявить, что забастовка продолжается.

Агитация же некоторых выборных за прекращение забастовки имела своим последствием то, что среди рабочих начали ходить слухи, будто выборные подкуплены управлением приисков. Администрация, в свою очередь, всячески поддерживала и раздувала этот слух, так как ей хотелось пробить брешь в организации стачечников и этим дезорганизовать стачку.

29 марта Тульчинский, отчаявшись в своих уговорах, вывесил объявление, где предлагал рабочим стать на работу, угрожая в противном случае нанять штрейкбрехеров. В то же время он телеграфировал Бантышу о необходимости арестовать некоторых выборных и просил выслать на помощь полиции сотню казаков.

Несколько другой тактики держался приехавший одновременно с Тульчинским на прииски Трещенков. В своем поведении он отражал настроения петербургских правительственных кругов; поэтому он явился как бы на службу к администрации „Эльзото“ и к ее услугам.

Его отношение к рабочим было чрезвычайно наглым и вызывающим. Когда выборные от рабочих пришли переговорить с ним о своих делах, то он просто затопал на них ногами и с площадной бранью их выгнал.

Разговоры о предполагаемом расстреле в связи с прибытием Трещенкова открыто велись администрацией. Заместитель Белозерова на приисках — Теппан — открыто говорил в посетительской в присутствии ряда свидетелей, что „для такого мирового дела можно-де перестрелять человек 20—30". А доктора в приисковых больницах заготовляли перевязочные средства.

Тотчас по приезде Трещенков телеграфировал в иркутское жандармское управление:

„Настоятельно нахожу необходимым арестовать агитаторов и стачечный комитет бастующих рабочих, кои мною выяснены в числе семнадцати человек, хотя бы для этого пришлось прибегнуть к оружию".

Однако опять в дело вмешался Бантыш, который еще надеялся на уговоры Тульчинскаго. Он строго одернул Трещенкова, приказав отложить аресты.

Тогда „Эльзото" опять начинает действовать помимо иркутских губернских властей. Оно обращается непосредственно к министру внутренних дел с просьбой об аресте рабочих. И тотчас же по приказанию министра департамент полиции предписал иркутским жандармам арестовать стачечный комитет непосредственно через Трещенкова.

Узнав об этом, и сам Бантыш разрешил Трещенкову арестовать стачечный комитет.

Между тем, „Эльзото" продолжало провоцировать рабочих. Так, 2 апреля на Александровский прииск для раздачи рабочим привезли около 26 пудов гнилого мяса. Это взволновало рабочих, их собралось до 1.000 человек, которые потребовали составления акта. Неожиданно в толпу с криком „расходитесь, сволочи" ворвался Трещенков.

Однако в ответ несколько голосов крикнуло ему: „сам сволочь", и вся толпа затютюкала. В бессильной злобе Трещенков бросился к телефону, чтоб вызвать войска. Но выборные уговорили рабочих, и последние быстро разошлись, и когда на место происшествия пришли войска — на площади уже никого не было.

Между тем слухи о готовящемся аресте носились среди рабочих и страшно их волновали. Дошли до рабочих также слухи, что

состав стачечного комитета, который собирались арестовать, указал Трещенкову Тульчинский.

Поэтому рабочие очень сухо встречали уговоры Тульчинского. Последний же, по поводу волнений в связи с тухлым мясом, ходил по баракам и уговаривал рабочих. Очевидно, он и сам чувствовал, что совесть у него нечиста и боялся ходить один. Его все время сопровождал сам Трещенков и целый наряд стражников.

К этому времени, вероятно, относится следующее гектографированное воззвание, которое выпустило центральное стачечное бюро.

Воззвание подписано „союз горнорабочих". Оно является призывом к штрейкбрехерам не работать. Текст его следующий:

„Рабочим от рабочих. Товарищи рабочие! Неужели вы будете дальше продолжать работы? Неужели наша забастовка не есть также ваша забастовка? Ведь вам известно, как „Лензото" нас унижало на каждом шагу. Оно нас кормило дохлятиной с примесью конского навоза. Ругали нас и надругались над нашими женами и дочерьми.

„Нас поносили обидами, побоями и так далее... даже те ничтожные законы, которые „Лензото" должно было исполнять, оно не исполняло. И теперь всеми правдами и неправдами оно хочет восстановить старый порядок, но этого не будет...

„Пусть Тульчинский с пеною на губах кричит, что он сторонник рабочих, мы ему не верим. Знаем, что он меняет свою шкуру по сезону. Не смущает нас также собачья морда жандармского ротмистра Трещенкова. Пусть он лает сколько угодно... Можем ли мы обратить наше внимание на брехню полицейской собаки?..

„Товарищи, вы вышли на работу, но что же вас ждет? Ждет то же, что и нас, те же издевательства и насилия. И что же вас ждет в будущем со стороны товарищей, борющихся за лучшее будущее? Да здравствует забастовка! Долой предателей дела рабочих!".

И вот, в ночь на 4 апреля полиция арестовала часть стачечного комитета рабочих и часть выборных. Были арестованы: Мимоглядов, Е. Я., политический ссыльно-поселенец, 39 лет, столяр; Соболев, А. А., политический ссыльно-поселенец, 26 лет, плотник; Думпе, Э. Ю., политический ссыльно-поселенец, 30 лет, слесарь; Розенберг, И. С. политический ссыльно-поселенец, 36 лет, отбывший 4 года каторги; Соломин, Т. М., 27 лет, плотник; Гераси-менко, А. Е., 27 лет, столяр; Будевиц, И. А., 35 лет, слесарь; Марчинковский, Р. И., 43 лет, слесарь; Журавов-Иванов, Д. В., 25 лет, токарь, и Вязов, В. В., 29 лет, слесарь.

8. Расстрел.

Известие об аресте выборных подняло на ноги все прииски. Везде состоялись собрания рабочих, и решено было требовать освобождения арестованных.

Еще ранее рабочие, знавшие о предполагаемом аресте, заготовили каждый от себя заявление на имя товарища прокурора Преображенского. В них отдельные рабочие заявляли, что они сознательно участвовали в стачке, что никаких руководителей и подстрекателей на приисках не было.

Вот один из подлинников такого заявления: „Товарищу прокурору иркутского окружного суда. Заявление (фамилия рабочего). Я, рабочий Ленского золотопромышленного товарищества, сознательно прекратил работу. Насильственных мер и подстрекательств во время забастовки не было. И мы продолжаем забастовку ввиду нарушения с нами договора Ленским товариществом и неудовлетворения наших требований. В том и подписуюсь. 2 апр. 1912 г. (Подпись)".

И в другом, общем заявлении на имя Тульчинского рабочие требовали от администрации освобождения арестованных товарищей.

С этими заявлениями рабочие решили пойти все вместе и вручить их по принадлежности. Они уже не хотели посылать с ними своих выборных, боясь, что их опять сочтут подстрекателями и арестуют.

Первые выступили рабочие Андреевского, Васильевского и Утесистого приисков. Толпою более 1.000 человек они уже около 5 часов утра пришли к квартире Тульчинского и потребовали освобождения выборных. Кроме того, они возмущенно говорили Тульчинскому, что это он своими указаниями помог полиции арестовать выборных.

Кое-как отделавшись от них, Тульчинский пообещал дать им ответ в 2 часа дня на Надеждинском прииске.

Возвращаясь от Тульчинского, рабочие решили пойти в этот же день на Надеждинский прииск опять всем вместе и там заодно подать свои личные заявления от каждого рабочего Преображенскому.

Рабочие Александровского прииска выступили около 9 часов и пошли на Липаевский прииск требовать от начальника 2-й дистанции Савинова освобождения выборных. По дороге они тоже встретили Тульчинского. Очевидно, и среди них распространилась весть о двойственной роли Тульчинского. Последний сам пишет, что „рабочие эти остановили меня и, держась в отношении меня вызы-

вающе, требовали немедленного освобождения арестованных"... Тульчинский опять отделался уговорами, и рабочие пошли дальше. На Липаевском прииске Савинов обещал увеличить им паек и выдать заработанные деньги, и рабочие пока что разошлись по домам.

Такие же демонстративные шествия и собрания происходили утром и на других приисках.

На Феодосиевском прииске еще рано утром дело чуть не кончилось расстрелом рабочих. Здесь в восьмом часу утра около конторы собралась толпа рабочих до 2.000 человек, требуя выпуска арестованных.

Тогда Трещенков приказал служащим, живущим на прииске, выехать с него вместе с семьями, выставил напротив собравшихся рабочих имевшуюся у него команду солдат и вызвал по телефону солдат из Бодайбо.

Однако еще до приезда солдат на прииск явился Тульчинский. Он уговорил Трещенкова убрать солдат в помещение и начал уговаривать рабочих. „На мое приветствие,— так описывает Тульчинский эту сцену,— рабочие ответили молчанием, а затем начали говорить некоторые из рабочих, обвиняя меня в том, что я выдал следователю выборных и указал, кого нужно арестовать"...

Рабочие требовали освобождения выборных и немедленного полного расчета. Уговорами и обещаниями Тульчинский успокоил рабочих, и они разошлись. Таким образом расстрел здесь Трещенкову не удался.

Между тем рабочие Андреевского прииска пошли опять все вместе к 2 часам дня на Надеждинский прииск, как это было условлено с Тульчинским. Но андреевцы не пошли одни, по дороге к ним присоединились рабочие Васильевских приисков, потом Пророко-Ильинских и, наконец, рабочие Александровского прииска. Всего образовалась толпа рабочих численностью до 3.000 человек.

Дорога, по которой двинулись рабочие на Надеждинский прииск, шла между глубокими сугробами, и шествие растянулось на 200 саженей. Шли не более как по 5—6 человек в ряд.

Ко времени подхода их к Надеждинскому прииску туда же приехала команда под начальством штабс-капитана Лепина, вызванная Трещенковым из Бодайбо. Вместе с той командой, которая была у Трещенкова наготове, образовался отряд из 92 солдат. Командовал этим отрядом штабс-капитан Лепин.

Как только рабочие появились на дороге, команду вывели из народного дома и поставили поперек дороги, по которой шли

рабочие. Ротмистр Трещенков, Тульчинский, Преображенский, Хитун [1]), Лепин и штабс-капитан Санжаренко (помощник Лепина) стали с правой стороны команды.

Когда передние ряды шествия были на расстоянии 150 саженей и их еще отделяла от солдат река Аканак, занесенная снегом на 2 сажени и с узким через нее мостом, Трещенков послал к рабочим стражника с приказанием свернуть на нижнюю дорогу.

Вслед за стражником Китовым к толпе побежал Тульчинский, боясь, что стражника толпа не послушает. В это время никто из рабочих не успел еще даже вступить на мост.

Когда передние ряды окружили Тульчинского, а часть рабочих, усевшись на штабеля лежавшего леса, начала закуривать папироски, раздался первый залп в рабочих. Толпа полегла. Вслед за тем солдаты открыли непрерывный огонь по лежащим рабочим.

Стрельба была разрешена Преображенским, товарищем прокурора иркутского окружного суда. Он был послан из Иркутска начальником иркутского жандармского управления вслед за Трещенковым для придания расправе „законного характера".

Таким образом в безоружных рабочих стреляли с разрешения и на глазах представителей судебной власти. А штабс-капитан Санжаренко, обходя сзади солдат, грозил пристрелить того, кто будет плохо целить.

Картина расстрела, по показаниям раненых рабочих, рисуется в следующем виде.

Показание рабочего В. Н. Сенникова: „Утром 4 апреля мы узнали, что многих выборных арестовали в эту ночь и мы боялись, что и наших выборных арестуют, к тому же многие рабочие волновались, потому что семейным выдавали припасов столько же, сколько и холостому, вследствие этого ощущался недостаток в пище.

„Эти два обстоятельства и побудили нас отправиться утром 4 апреля к Тульчинскому и товарищу прокурора с просьбой прибавить отпуск припасов семейным и с заявлением, что никто нас не подстрекает к продолжению забастовки и что никаких руководителей у нас нет, что и было написано в наших заявлениях на имя товарища прокурора.

„Решили же мы итти всем вместе, а не посылать выборных, потому, что знали, что выборных могут арестовать, а всех не аре-

[1]) Местный мировой судья.

стуют. Около 3 часов дня к нам подошли андреевцы и васильевцы, и когда узнали, что мы согласны все итти на Надеждинский прииск жаловаться и просить освобождения выборных, то соединились с нами и все пошли"...

Показание рабочего П. А. Орлова: „На повороте дороги, по которой шла толпа, к ней подбежал инженер Тульчинский и стал разговаривать с передними рабочими. Что он говорил, я не слышал, так как я шел дальше, а потом сел на изгородь у дороги.

„В то время, как часть рабочих разговаривала с Тульчинским, другая часть тут же расселась, кто на штабеля дров, кто прямо в снег, а кто и на изгородь,— и стали закуривать. В то же время я услышал сигнальный рожок... Через несколько минут после этого, без всяких предупреждений раздался залп, после которого рабочие полегли на землю и поползли спасаться — кто за штабеля, кто в какое-нибудь закрытое место...

„Я после первого залпа соскочил с изгороди и пополз под изгородь. В это время я и был ранен, при чем пуля попала мне в левую холку и вышла в левой части поясницы. Выходная рана очень длинная и широкая, и до сих пор мне ее бинтуют"...

Показание рабочего В. В. Сысоева: „Я нигде ни от кого не слышал, что солдаты будут стрелять. Ожидать последнего не было оснований, так как забастовка была без всяких насилий, протекала мирно. Толпа рабочих остановилась тогда, когда заиграл сигнальный рожок... Вскоре после сигнального рожка последовал ружейный залп, после которого часть рабочих упала, а часть побежала обратно. Вперед бежать было некуда.

„После залпа последовали частые выстрелы; когда я стоял наискось дороги, лицом к первым рядам и наклонился, чтобы лечь на землю, в это время я почувствовал боль в правом боку под рукой и упал. Оказалось, что я ранен пулей, прошедшей сквозь меня и вышедшей в верхней части левой половины спины. Направление пули, видимо, было снизу вверх".

Показание рабочего В. А. Маслова: „Шли мы, как видите теперь,— с голыми руками. Я шел в середине толпы... никакого рожка я не слышал. Я вдруг услышал выстрелы; люди передо мною стали валиться, я лечь не успел и был ранен в грудь, пуля вышла из лопатки. Будучи ранен, я упал и пролежал, пока меня не отвезли в больницу на Нижний стан, где пролежал 20 дней. Теперь у меня болит грудь, я кашляю. Работать не могу"...

Комиссией Манухина было снято 200 показаний с раненых рабочих. Все они говорят одно и то же. Многие из допрошенных имели по 2—3 раны.

В своей телеграмме о расстреле, посланной рабочими 5 апреля начальнику иркутского горного управления, рабочие писали:

„При первом выстреле все положились на землю... Не обращая внимания, что рабочие лежали на земле и во время перерыва ползли обратно, солдаты продолжали стрелять беспрерывно"...

В телеграмме, посланной рабочими 6 апреля члену государственной думы депутату Полетаеву (большевику), рабочие писали: „3 апреля наши выборные арестованы и препровождены в Бодайбинскую тюрьму... Считая арест незаконным, мы четвертого направились на Надеждинский прииск к окружному инженеру Тульчинскому и ротмистру, с просьбой освободить арестованных. Во время переговоров Тульчинского с толпой раздалась команда „пли",— 270 убитых, 250 раненых... После первого залпа толпа полегла... Стреляли в лежащих; в убежавших вдогонку выпустили по пятнадцати пуль каждый. Убиты также женщины; две ранены в помещении... Повторяем, никаких насилий мы себе не позволяли целый месяц. Вопли отчаяния вдов, сирот. Окружающее население в паническом ужасе, мирные рабочие терроризованы, краю грозит разгром... Представитель рабочих „Лензото" Баташев".

В летописи, которую вел священник местной церкви, записано: „На месте (то-есть убитых) оказалось 199 человек, раненых было около 350, из которых в первые три дня скончалось около 100 человек".

Таковы были приблизительные цифры пострадавших. Точное число установить трудно, так как полиция всячески старалась уменьшить число пострадавших [1]). Хоронили убитых ночью в общих могилах, и рабочих не допускали к убитым товарищам.

Когда губернские власти вскоре после похорон начали производить следствие и хотели было вырыть и посмотреть число трупов и характер ран, то жандармы и иркутская прокуратура тотчас энергично вмешались и самым решительным образом отвергли эти попытки.

Положение же раненых рабочих было страшно тяжкое. Полиция не допускала к ним родных и товарищей, а сваливала их на сани и развозила по больницам до 12 часов ночи.

[1]) По официальным донесениям умерло от стрельбы 170 рабочих, а 202 получили тяжелые раны.

Больница на Феодосиевском прииске, которая обслуживала Надеждинские прииски, была построена на 53 койки, поэтому ее быстро наполнили. И главную массу рабочих повезли в другие приисковые больницы, многие из которых были за десятки верст. Везли без предварительной перевязки. В больницах их в повалку бросали на пол, где они лежали и на другой день без всякого присмотра.

Священник, вызванный для причащения умирающих, так описывал в своей летописи то, что творилось в больницах: „Войдя в первую палату, я увидел поразительную картину: кругом на полу и на кроватях лежали в беспорядочном виде груды раненых рабочих. Пол покрыт кровью, кое-где видны клочки сена, служившие постелью раненым. Перевязки, сделанные, вероятно, с вечера, потерявшие свой вид до неузнаваемости, у некоторых были заменены собственной материей из одежды... Ползая на коленях по лужам крови, с усилием... окончив исповедь, приступил к приобщению, употребив до 150 частиц“...

Из осмотренных 200 раненых рабочих 117 были ранены в лежачем положении, 69 получили раны сзади, и только 14 человек были ранены спереди. Однако тотчас после расстрела по инициативе Преображенского и Трещенкова иркутская прокуратура возбудила против ленских рабочих судебное дело „о скопище рабочих, учинивших на Надеждинском прииске Ленского золотопромышленного товарищества нападение на войско“.

Напрасно мировой судья Рейн конфузливо говорил о неудобстве такого дела, так как „на основании осмотра раненых выходит, что на войска нападали задом“. Слуги самодержавия и капитала не находили нужным стесняться.

Трещенков тотчас после расстрела послал в губернию лживые телеграммы, где писал, что рабочие шли громить войска, вооруженные кольями и кирпичами. Такие же телеграммы слали во все места и администрация приисков, и Преображенский, и Тульчинский.

На рабочих обрушилась не только зверская расправа, но и самая беззастенчивая и наглая клевета.

Для того, чтобы сделать правдоподобным „нападение на войско“, Трещенков велел стражникам подобрать все палки и жерди, лежавшие по дороге следования рабочих. Как ни старались стражники, но всего-навсего они собрали: 12 жердей, 9 обломков кирпичей, 2 полена, 14 палок — частью гнилых — и обломок сгнившей ветки.

Таково было все вооружение 3-тысячной рабочей массы, которая решила напасть на войска. И с этими „вещественными“ доказательствами выступила иркутская прокуратура, обвинявшая рабочих в „нападении на войска“.

Департамент полиции остался очень доволен расстрелом и из Петербурга Трещенкову было передано, что „департамент полиции его действиями очень доволен, благодарит, и просит ничем не смущаться.“

Осталось довольно и „Эльзото“. Оно уплатило Трещенкову в награду за расстрел единовременно 2.400 рублей и платило по 15 рублей суточных вплоть до отъезда с приисков.

На крови рабочих нажились и некоторые из расстреливавших их солдат. Так как к убитым рабочим не допускали ни товарищей, ни родственников, то трупы были ограблены. И вот, в результате этого мародерства трупов и „награды“ от „Эльзото“, в ближайшие дни после расстрела солдаты сдавали для перевода домой по 100 и по 400 рублей.

Любопытно остановиться также и на поведении Бантыша после расстрела. 4 апреля, в день расстрела, он телеграфировал Трещенкову: „По изъятии стачечного комитета учтите появившийся раскол между бастующими, впечатление, вызванное этой мерой, и при благоприятных результатах арестуйте немедленно всех остальных“...

А 7 апреля, уже после расстрела, он упрекает Трещенкова за то, что он растерялся, и требует воспользоваться тем впечатлением, который произвел на рабочих расстрел, и арестовать еще ряд активных выборных.

Под влиянием требований на этот раз уже иркутского губернатора Трещенков арестовывает еще 10 выборных. Были арестованы: Карнеев-Иванов, Беспальченко А., Подзакотников П., Романов И., Баташев П., Зелионко Р., Зборенко С., Нестеренко В., Быков А., Попов И.

Всего, таким образом, по делу о ленской стачке было арестовано 20 рабочих, при чем шестеро из них были политические ссыльные, а остальные рабочие привлекались впервые.

Не менее двусмысленно, чем поведение Бантыша, было и поведение Тульчинского. Когда он увидел идущих рабочих, он кинулся их уговаривать, стремясь предотвратить расстрел. Однако это не удержало Трещенкова, и он приказал стрелять по толпе, несмотря на то, что в ней был и Тульчинский и посланный самим Трещенковым стражник Китов.

Тульчинский, лежавший вместе с рабочими, отделался только испугом, стражник же Китов был действительно ранен в ногу.

Надо полагать, что Трещенков умышленно приказал стрелять в тот момент, когда Тульчинский был в толпе рабочих.

В чиновничьей вражде, которая шла между иркутским губернатором Бантышем, иркутским генерал-губернатором Князевым и их агентами: Тульчинским, Майшем [1]), иркутским горно-заводским присутствием, с одной стороны, и „Эльзото", администрацией приисков, иркутским жандармским управлением, с другой стороны, Трещенков был всецело на стороне последних. Его приводило в бешенство заигрывание Тульчинского с рабочими так же, как и осторожная политика Бантыша и Князева.

Трещенков этого и не скрывал. Мировой судья Рейн в своих показаниях сенатору Манухину рассказывает, что обедал как-то вместе с Трещенковым у Теппана. „На вопрос хозяйки, что из себя представляет генерал-губернатор Князев, Трещенков позволил себе произнести циничное выражение, — говорит Рейн, — которое я считаю неудобным повторять на бумаге".

Когда вскоре после расстрела мировой судья Рейн по поручению иркутского губернатора производил первое следствие, разыгралась следующая типичная сценка, рисующая отношение Трещенкова к Тульчинскому. Рейн осматривал место, где был произведен расстрел. Для полноты картины он попросил Тульчинского пойти и стать на то место, где он лежал во время стрельбы.

Когда Тульчинский отправился исполнить просьбу Рейна, Трещенков с циничной улыбкой обратился к Майшу и спросил: „Не вызвать ли для полной картины и команду и не расставить ли ее, как было 4 апреля? На этот раз мы уже наверно не промахнемся! Санжаренко меня тоже об этом спрашивал". В этом же разговоре он сказал, что „единственно, чего не может простить себе, это—что не арестовал Тульчинского, так как это форменный провокатор в мундире, который своими разговорами развратил рабочих".

И несмотря на эту „ведомственную" вражду со стороны Трещенкова, вражду, которая чуть не кончилась очень печально для Тульчинского, последний тотчас после расстрела еще раз умудрился предать рабочих. Бывший неоднократно в день расстрела среди шедших рабочих, видавший великолепно, что у них не было ника-

---

[1]) Чиновник особых поручений при иркутском губернаторе Бантыше.

кого оружия в руках, кроме записки к прокурору, он тотчас после расстрела телеграфировал Бантышу:

„...Возвратился на Надеждинский прииск, где узнал, что все рабочие приисков Андреевского, Успенского, Васильевского, Прокопьевского идут к Александровскому. Соединившись с александровцами, рабочие общею толпою свыше 3.000 двинулись на Феодосиевский через Надеждинский около народного дома, места расположения роты, куда прибыли около 5 часов дня. Несмотря на предупреждения, сделанные сигналом, толпа, вооруженная кольями, кирпичами, камнями, угрожающе надвигалась на войска, которые дали несколько залпов... Тульчинский".

О своем поведении после расстрела Тульчинский говорит в своих показаниях Манухину, что „был охвачен чувством панического страха перед возможною местью рабочих". Очевидно, этот страх был вызван боязнью, что рабочие узнают о его новом предательстве. Во всяком случае страх был так силен, что ночь на 5 апреля Тульчинский даже провел под охраною воинской команды в народном доме.

И только через 4 дня, когда он почувствовал, что губернские власти всерьез недовольны расстрелом, он посылает в горный департамент прямо противоположную первой телеграмму, следующего содержания:

„Считаю необходимым в интересах истины исправить конец моей телеграммы от 4 апреля, № 361. Фраза: „толпа была вооружена кольями, кирпичами, камнями" — помещена со слов других лиц, которые по собранным на месте расположения толпы кольям, кирпичам и камням вывели заключение о вооружении всей толпы, что вошло ошибочно в мою телеграмму. Самому мне, находясь среди толпы, пришлось попасть под пули солдат, и в руках окружавших меня рабочих я не заметил кольев, кирпичей и камней... 8 апреля, 10 час. вечера. № 375. Тульчинский".

Но своим невольным пребыванием под пулями Тульчинский реабилитировал себя в глазах рабочих. Рабочие Феодосиевского прииска, не зная о его последних телеграммах, подали ему 7 апреля заявление. В нем в трогательных словах они просили у него прощения и говорили, что нахождение его во время расстрела в толпе убедило их в его непричастности к арестованию их выборных.

9. Отзвуки ленских событий.

Не менее нагло, чем местные власти, держало себя после расстрела царское правительство.

9 апреля в 3-ю государственную думу были внесены запросы от ряда партий, входивших в ее состав.

Запрос социал-демократической фракции гласил:

„29 февраля на ленских приисках вспыхнула стачка 6.000 рабочих. Условия труда на приисках, по свидетельству официальных источников, были весьма неудовлетворительны.

„Рабочие страдали, кроме того, от низкой заработной платы, плохой пищи, поставщиком которой была администрация, дурных жилищных условий казарм, предоставленных рабочим той же администрацией, грубого обращения и т. д.

„Особенно важно было ограничение, вопреки закону о найме, права рабочих на судебную защиту. Рабочие по договору с администрацией приисков не имели права возбуждать против нее судебных исков"... (Затем в запросе перечисляются главнейшие требования рабочих, и запрос продолжается далее.)

„Требования рабочих непосредственно свидетельствуют о нарушении администрацией приисков законов об охране труда.

„Вопреки требованиям закона, администрация практиковала воспрещенный расчет товарами, задерживала в конторе расчетные книжки, не уплачивала за дни болезни и увечья. Что касается прочих требований, то все они, без исключения, не противоречат нашему законодательству и направлены к улучшению условий труда и жизни рабочих...

„Наконец, особенно пугающее воображение требование восьмичасового рабочего дня, взятое из программы социал-демократической рабочей партии, во-первых, осуществлено уже в целом ряде предприятий (в том числе и казенных), во-вторых, наш закон устанавливает максимальную продолжительность рабочего дня, не воспрещая дальнейшее сокращение ее до любых размеров по взаимному соглашению сторон.

„Справедливость требований рабочих была настолько очевидна, что чины горного надзора, на обязанности которых лежит улаживание конфликтов, вели переговоры с рабочими именно в пределах этих требований. Вместе с тем губернское присутствие признало жалобы рабочих основательными и заслуживающими удовлетворения...

„Таким образом, уже в самом начале конфликта в дело вмешались представители правительства. Воспитанная на произволе, годами практиковавшемся правительством в отношении борющегося пролетариата, местная администрация в полном объеме усвоила себе приемы насильственной расправы со всеми проявлениями самодеятельности рабочих.

„В течение целого месяца стачка протекала совершенно мирно, несмотря на разношерстный состав приискового населения. Спокойное поведение и выдержанность его следует отнести исключительно за счет деятельности избранной рабочей комиссии. Никаких насильственных действий со стороны рабочих проявлено не было... Одним словом, для применения экстренных мер и усмирения рабочих военной силой никаких оснований не было.

„Тем не менее 29 марта общее командование усиленным военным отрядом было вручено специально командированному жандармскому офицеру Трещенкову, известному, по сообщению газет, прошлой провокаторской деятельностью.

„Становится очевидным, что, стремясь к скорейшему прекращению забастовки, Ленское товарищество, в делах которого заинтересован ряд крупных капиталистов и высокопоставленных лиц, решило совместно с правительственными агентами подавить забастовку военной силой"... (И далее, рисуя арест выборных и расстрел рабочих, запрос кончает.)

„В угоду кучке алчных капиталистов, строящих свое благосостояние на азартной биржевой спекуляции, принесены интересы тысяч рабочих. В интересах предпринимателей сотни семейств лишены кормильцев, сотни детей лишены отцов, жены — мужей.

„На далеких приисках совместными усилиями правительства и предпринимателей вырыты сотни могил, и к ним обращены теперь взоры всего рабочего класса. И от имени всего рабочего класса России мы констатируем следующее:

„Указом 2 декабря 1905 года за рабочими признано право стачек.

„Наказуются лишь забастовки в предприятиях, имеющих государственное или общественное значение. Между тем волей местных агентов правительства, причисливших к таковым и золотопромышленность, право ленских рабочих на стачку уничтожено.

„Но кровавая ленская трагедия является одним из более ярких выражений общей правительственной политики. Правительство вновь возвращается к старым испытанным приемам борьбы. Вновь повто-

ряются златоустовская, домбровская и иные бойни, повторяется день 9 января.

„Простые меры в виде высылки, арестов, преследования печати и союзов, очевидно, признаны недостаточными. И в ответ на требование свободы стачек, союзов, собраний — правительство и капиталисты ответили горячим свинцом.

„Ввиду всего вышеизложенного мы предлагаем государственной думе принять следующий запрос:

„1) Известно ли председателю совета министров и министру внутренних дел, что 4 апреля 1912 года на приисках Ленского золотопромышленного товарищества за участие в экономической стачке, во время переговоров с чинами горного надзора, произведен расстрел рабочих, при чем убито 270, включая и умерших от ран, и ранено 250?

„2) Если известно, то что намерено предпринять правительство для выяснения истинных виновников бойни и привлечения их к законной ответственности, а также для предотвращения на будущее время подобных кровавых расправ с бастующими рабочими?"

Одновременно с запросом с.-д. фракции выступили и представители партии к.-д. и даже „союз 17 октября". В лицемерных рабочелюбивых запросах эти столпы третье-июньского режима требовали расследования расстрела.

В ответ на эти выступления представитель с.-д. фракции дал хорошую отповедь. Он сказал: „Мы, рабочие, в факте внесения вашего запроса ничего, кроме лицемерия, не видим. Для нас, рабочих, не нужно никакого вашего расследования. Для нас причина ясна: мы знаем, кто является главными виновниками массового убийства рабочих на ленских приисках. Мы не думаем, что тут являются виновниками одни капиталисты и правительство, мы придаем большую вину в этом массовом убийстве 3-й государственной думе... мы не раз вносили запросы... о том, что правительственная власть за участие в экономических стачках арестовывает и высылает рабочих... и каждый раз... большинство государственной думы всегда категорически заявляло с думской трибуны, что действия власти закономерны, а запросы наши неправильны"...

Однако решительные выступления с.-д. фракции не могли тронуть самодержавное правительство. Представители партии, загнанной в подполье, сидящей по тюрьмам, каторгам и ссылкам, в тот момент не являлись реальной силой, с которой приходилось бы считаться. Они были лишь авангардом того самого класса, который был раз-

бит, разгромлен и малейшие попытки которого к протесту подавлялись вооруженной силой.

Вполне понятно, что и бутафорские выступления к.-д. Некрасова и октябриста Уварова не вызывали у правительства ни малейшего беспокойства. Оно отлично понимало, что их рабочелюбивые, проникнутые лицемерным негодованием речи являлись лишь предвыборным кривлянием перед мелкой и средней буржуазией. Третье-июньская дума доживала последние месяцы своего законного срока существования, и им надо было подумать о наступающих выборах в 4-ю государственную думу.

Поэтому в ответ на запросы в государственной думе по поводу ленских событий Макаров с беззастенчивым цинизмом рассказывал, что расстрел произошел потому, что толпа рабочих, подстрекаемая агитаторами, напала на войска.

Он так лгал, что договорился до того, что толпа якобы силой удержала Тульчинского в своих рядах и после первого залпа бросилась на солдат с криками „ура"... Далее, желая напугать к.-д. и октябристов, он заявил, что во главе стачечного комитета ленских рабочих стоял бывший член государственной думы с.-д. Баташев, приговоренный ранее к каторге на 4 года [1]). И кончил свою речь заявлением о расстреле, что „так было и так будет впредь".

Однако и правительству и всем его агентам на местах скоро пришлось трусливо прикусить язык и резко изменить фронт своего поведения. Неожиданно для них в ответ на стоны умирающих ленских рабочих раздалось могучее эхо негодования по всей пролетарской России.

Первым поднялся ленинградский пролетариат. 8 апреля „Звезда" вышла в траурной кайме. На первой странице крупным шрифтом было напечатано краткое сообщение: „На ленских приисках убито 270, ранено 250". Передовица газеты начиналась так: „В мрачную историю русского рабочего движения, богатую невероятными образцами самого бессмысленного, изощренного насилия и беззакония, властной безответственной рукой вписана новая кровавая страница. Во славу капитала, для поддержания престижа власти расстреляли мирную толпу рабочих ленских золотых приисков... Трудно сдержать крик негодования перед грудой „невинно-убиенных" и искалеченных русских рабочих, вся вина которых в том, что они мирными, законными путями добивались сносного человеческого существования".

[1]) На самом деле Баташев, один из руководителей ленской стачки, никогда не был членом государственной думы.

И в ответ на это известие началось такое грандиозное рабочее движение, которого Россия не видала со времени 1905 года. Рабочий класс поднялся как один, руководимый чувством классовой солидарности, с протестом против зверской расправы над своими товарищами в далекой тайге.

Совершенно стихийно в самых различных промышленных центрах, начиная с Петербурга и кончая южными городами, вспыхивали политические протесты, в которых приняло участие более 300 тысяч рабочих.

В забастовке протеста участвовали рабочие всех крупнейших центров. Бастовали: Петербург, Москва, Рига, Саратов, Киев, Одесса, Баку, Екатеринослав, Харьков, Херсон, Николаев, Сормово и ряд других городов.

В Москве забастовки протеста приняли форму перекатывающейся волны и не прекращались до 1 мая. Сегодня бастовали одни, завтра— другие. Забастовки захватывали здесь самые крупные предприятия: Гужона, Бромлея, Мытищенский вагоностроительный завод и др. Всего по исчислениям промышленников (значит, сильно преуменьшенным) в Москве по поводу ленских событий бастовало 54.000 рабочих.

Движение развивалось с необычайной силой и своего высшего развития достигло 18 апреля. В этот день в одном Петербурге бастовало свыше 100.000 человек.

Начинались и протекали стачки так. Рабочие на общем собрании выносили резолюции по поводу ленского расстрела. Затем объявлялась однодневная забастовка, и с пением похоронного марша толпа рабочих выходила за ворота. Иногда этот выход превращался в демонстрацию. Рабочие выкидывали красные знамена и с пением шли несколько кварталов, пока не появлялась полиция. Такие демонстрации пытались устроить в Петербурге рабочие заводов за Московской заставой, такие демонстрации устроили портные и печатники 17 апреля, и пытались устроить многотысячный Путиловский завод, фабрика „Скороход“ и многие другие. За одну подобную демонстрацию рабочих и учащихся, бывшую на Невском 15 апреля, полиция арестовала 132 человека.

Но аресты не помогали, движение разлилось могучей волной по провинции. Так, 19 апреля рижский губернатор телеграфировал в департамент полиции: „Вчера забастовало 21.000 рабочих на 52 заводах... На Ревельской улице наряд полиции рассеял толпу, шедшую с красным флагом и пением революционных песен... вечером рассеяны 2 толпы, шедшие с флагом и пением“...

Такие же жандармские и губернаторские донесения летели и из десятков других городов. И одновременно десятки и сотни резолюций летели с фабрик и заводов в редакцию „Звезды“ и с.-д. фракцию государственной думы с протестом против ленского расстрела.

Рабочие завода Осипова в Петербурге в своем протесте писали: „Вместе с расстрелом ленских рабочих расстреляны и наши груди. В таком глубоком издевательстве над рабочим классом мы, рабочие, обвиняем не только местных палачей, но и весь современный строй и в частности господствующее большинство государственной думы“.

Во главе этого движения шла партия большевиков. Идейным центром его была большевистская газета „Звезда“. Кроме того, повсеместно были выпущены нелегально прокламации. Оценку расстрела и лозунгов движения дал центральный большевистский заграничный орган „Социал-Демократ“ в статье „Ленская бойня и третьеиюньская монархия“ [1]).

Там говорилось: „Ленский расстрел с ясностью, бросающейся в глаза каждому, сразу вскрыл, как во имя эксплоатации рабочих сплетаются в один отвратительный, кровью напитанный клубок — международный капитал, царский дворец, охранные отделения, как биржевой курс в Лондоне распоряжается жизнью рабочих на Лене... Вся царская монархия, монархия провокаторов и палачей, должна быть сметена с лица земли... Низвержение романовской монархии в России должно быть лишь первым этапом в борьбе рабочих со всей буржуазией за уничтожение капитализма, за социализм“.

Размеры стачек и демонстраций рабочих в России были так велики, что не только русская, но и заграничная пресса была полна негодующих статей, заметок и сообщений о ленском расстреле.

Правительство почувствовало, что оно сыграло опасную игру на ленских приисках. И чтобы несколько успокоить общественное мнение, „по высочайшему повелению“ было объявлено о посылке на ленские прииски комиссии во главе с сенатором Манухиным для расследования событий, связанных с расстрелом.

10. Конец ленской трагедии.

Между тем на приисках продолжалась картина неслыханного произвола. Поведение Трещенкова после расстрела в отношении

[1]) Статья была без подписи, написана тов. Каменевым, помещена в „Социал-Демократе“ № 26 от 25 апреля.

рабочих отличалось чрезвычайной наглостью. Он разъезжал по казармам, ругал рабочих площадной бранью, угрожал им, что „если они через два дня не выйдут на работу, то он приедет с солдатами и будет расстреливать их в казармах, не щадя ни женщин, ни детей".

Администрация тоже продолжала вести свою наступательную политику. Под ее давлением местный горный надзор и полиция в согласии с ней постановили: принудительно вывезти бастующих рабочих Ленского края, как только откроется навигация.

Опять началось наступление администрации также и в продовольственном отношении. Тульчинский вывесил объявление, что продовольствие из приисковых амбаров выдается лишь тем рабочим, которые не имеют за товариществом никакого заработка.

„Те же рабочие, которые при расчете получили не менее 18 рублей на одинокого и 30 рублей на семейного, должны получать продовольствие за наличные деньги", гласило объявление. До открытия навигации оставалось $1^1/_2$ месяца, и этих денег ни одинокому, ни семейному на прожитие не могло бы хватить ни в коем случае. Таким образом, постановление Тульчинского угрожало рабочим голодом.

Однако раскаты пролетарского гнева уже докатились до Иркутска, и Бантыш 18 апреля приказал Трещенкову прекратить немедленно всякий расчет рабочих и выдавать им продовольствие попрежнему, без всяких ограничений.

Что же касается принудительной эвакуации, то тут он послал Тульчинскому телеграмму, где писал: „Никаких мер по эвакуации рабочих с открытием навигации без моих особых распоряжений предлагаю ни под каким видом не принимать".

Но не только Бантыш, само „Эльзото" под влиянием мирового скандала перетрусило. 22 апреля оно испуганно телеграфировало на прииски приказание, чтобы администрация беспрекословно подчинялась всем распоряжениям Тульчинского. Очевидно, в ее глазах Тульчинский являлся образцом возможного либерализма в отношении рабочих.

Вслед за этим, стремясь как-нибудь затушить пожар, правительство из центра принимает ряд мер, чтобы скорее и без шума, тем или иным путем прекратить ленскую стачку. Прежде всего за это взялся сам горный департамент. 5 мая он шлет телеграмму непосредственно Тульчинскому, где пишет: „Было бы весьма желательно, чтобы вы постарались убедить рабочих стать на работу". При этом

департамент указывал, что мотивировать необходимость прекращения стачки Тульчинский может тем, что только при нормальных условиях работы комиссия Манухина, едущая на прииски, может произвести правильное расследование расстрела.

Получив это приказание, Тульчинский с новым жаром принялся за уговоры. 5 дней он разъезжал по приискам, уговаривая рабочих. Но все было напрасно, даже его угрозы и намеки на принудительную эвакуацию рабочих в случае их упрямства не помогли.

В ответ на уговоры рабочие выставили 12 пунктов условий. В их числе были обязательная прибавка заработной платы и освобождение арестованных товарищей. Ни „Эльзото", ни правительство на эти условия не пошли, и стачка продолжалась.

В это время на помощь Тульчинскому приехал на прииски 21 мая сам иркутский генерал-губернатор Князев и принялся также за уговоры рабочих. „У начальника края большое желание поставить рабочих на работу, он по приезде послал телеграмму министру, что рабочие, очевидно, станут", телеграфировал Майш иркутскому губернатору.

Но уговоры и здесь оставались безрезультатными. Тогда „Эльзото", еще раз попробовало спровоцировать рабочих. Оно объявило рабочим о своем согласии повысить расценки всего на 200.000 руб., однако распределило прибавки так, что они падали лишь на высшие категории рабочих. На заседании по поводу этих прибавок, между прочим, присутствовал Князев. Не стесняясь его, Белозеров откровенно заявил, что для „Эльзото" все бастующие рабочие вообще нежелательны.

Рабочие, обсудив новые расценки, нашли, что они совершенно не улучшают их положения, и решили продолжать забастовку. Напрасны были и уговоры приехавших в это время из центра адвокатов: Керенского, Патушинского, Тюшевского, Кобякова и Никитина, которые уговаривали рабочих прекратить забастовку, чтобы таким путем избежать принудительной эвакуации. Единственно, на что согласились рабочие, по настоянию адвокатов, это — выбрать трех представителей для переговоров с администрацией по поводу белозеровских прибавок.

Тогда Князев решил воздействовать на рабочих угрозой. Он вывесил объявление, где писал, что ввиду отказа рабочих принять уступки „Эльзото" и кончить забастовку, они обязаны взять расчет и в 7-дневный срок выехать с приисков, при чем „Эльзото" соглашалось на свой счет довезти их до Усть-Кута. В противном случае генерал-губернатор угрожал вывезти рабочих этапным порядком.

Таким образом всех бастовавших рабочих—свидетелей расстрела—по приказанию губернских властей должны были удалить с приисков насильно еще до приезда Манухина. Это тотчас стало известно всей России и слишком скандализировало правительство. Поэтому Манухин немедленно приказал отменить это распоряжение.

В это же время на приисках шла усиленная подготовка к предстоящей ревизии, и 19 мая Майш телеграфировал иркутскому губернатору: „Картина обычной приисковой жизни изменилась во многом не только наружной уборкой, но и тем, что, ввиду теплой погоды, большинство рабочих выбралось из казарм в балагашки, белье сушится на воздухе, а не над плитой, где готовят пищу. Дорога и места около казарм усыпаны галькой, даже берега реки убраны от льда и мусора. Феодосиевская больница вся вновь выкрашена, включительно до коек, на полах новые линолеумовые настилки".

С огромным штатом петербургских и иркутских чиновников 4 июня явился на прииски, наконец, сенатор Манухин и начал производить опросы сотен свидетелей и осмотры шахт, казарм рабочих и так далее. Не обошлось и тут без сенаторской провокации.

Тотчас по приезде он обратился с воззванием к рабочим, где писал, что только тогда сможет произвести правильное расследование и понять картину труда и нужд рабочих, если рабочие станут на работу.

Одновременно в разговоре с одним из главнейших руководителей „Эльзото" и усмирителей забастовки, с Альфредом Гинцбургом, он говорил, что его призывы к рабочим стать на работу и этим закончить стачку являются лишь тактическим шагом. „Он не заблуждается относительно дальнейших намерений буйного элемента, но он надеется, что большинство рабочих, раз встав на работу, не поддадутся дальнейшей агитации".

Таким образом он объяснял ту цель, которую преследовали горное управление, Тульчинский, Князев и он в своих „уговорах" рабочих.

Все они отлично понимали, что заставить подняться всю восьмитысячную массу рабочих на всеобщую стачку могли лишь исключительные обстоятельства и исключительный подъем классовой солидарности, и хотя бы временное возобновление работ должно неизбежно вызвать раскол среди рабочих и нежелание части рабочих вновь бросать работу.

Однако рабочие не послушались призыва Манухина и на работу не стали. Неожиданно сенаторской провокации помогла группа эсе-

ро-меньшевиствующих адвокатов. Они выступили здесь с теми самыми приемами, с которыми в последующие годы неизменно выступали представители II Интернационала. Представляясь друзьями рабочих и защитниками их интересов, они постарались сорвать конфликт рабочих с капиталом в пользу последнего.

Рабочий Ив. Кудряшов в своих воспоминаниях пишет: „Батюшка Александр Федорович (Керенский) около нас, феодосиевцев, три дня бился на собраниях, пока своим слезливым голосом не убедил большинство выйти на работу".

И в результате этих уговоров рабочие постановили временно выйти на работу. Перед выходом на работу они вынесли на всех приисках следующую резолюцию:

„Сенатору Манухину. Идя навстречу приглашению вашего высокопревосходительства и стремясь выяснить правду на ленских приисках, собрание рабочих... (название прииска) прииска решило, что все рабочие, не отказываясь от своих требований, встают на работу временно по таксе, предложенной управлением „Лензото", не подписывая договора до рассмотрения спорных вопросов вашим превосходительством. Имеем честь просить ваше высокопревосходительство о скорейшем созыве комиссии с участием представителей рабочих для выработки нового договора и расценки".

С 7 июня работы на приисках шли полностью, и иркутский генерал-губернатор Князев удовлетворенно телеграфировал министру внутренних дел Макарову: „Дело сдвинуто с мертвой точки"...

Ревизия Манухина вела опросы и следствие, а администрация продолжала притеснять рабочих и временно припрятывала свои жульнические проделки.

Так, 25 июня рабочие Светлого прииска жалуются сенатору Манухину, что управление начало подразделять их на две категории. Одним, которых оно считало для себя безвредными, оно давало более льготные работы, а других, которых управление считало более активными и опасными для себя, оно держало на работах в водяных канавах без смены по нескольку дней.

На этом же прииске администрация скрывала в шахте от ревизии Манухина около 500 пудов тухлого мяса. И рабочие просили Манухина „уничтожить это тухлое мясо, которое управление бережет, вероятно, для раздачи рабочим после вашего отъезда".

Одновременно с расследованием комиссия Манухина занялась составлением нового договора. Рабочие, которые после арестов выбрали новых выборных вместо арестованных, а также стачечный

центр, послали на совещание по выработке нового договора следующих товарищей: от Александровского прииска — Шаблова, С. В. и Носова, Е. Г.; от Пророко-Ильинского прииска — Пинаева, И. Д.; от Утесистого прииска — Трифонова, И. И.; от Васильевского прииска — Горшечникова, С. К.; от Феодосиевского прииска — Петухова, А. Г.; от Надеждинского прииска — Подзахотникова, И. И. и от Ивановского прииска — Головизина, А. С.

26 июня новый договор был готов и передан на обсуждение рабочим. Первыми его обсуждали рабочие Феодосиевского прииска. Большинством 1.998 человек против 7 они приняли следующее постановление: „На собрании рабочих Феодосиевского прииска 27 июня при обсуждении нового договора и расценки работ рабочие нашли, что он лучше старого, но не последовало тех существенных изменений, которые так дороги для нас, рабочих, так как порядок не изменился. Администрация приисковая та же, и крепкий белозеровский режим не изменился и в присутствии ревизии.

„Виновность ленцев („Эльзото“) не установлена, и на них не наложена обязанность штрафа за все наши мучения и за все нарушения прежнего договора. Сенаторская ревизия до сих пор не восстановила правды и не привлекла виновных в 4 апреля, а наши выборные невинно сидят в тюрьме, и одним словом, не выяснена правда. При всех этих обстоятельствах рабочие считают подписать договор невозможным и остаться у ленцев в тайге невозможным при таких порядках, какие существуют в настоящее время... к работе не приступают и желают вывоза в жилые места и в другие места, где они могут найти себе новые работы“.

Одновременно к этой резолюции присоединились все остальные прииски. 28 июня, к величайшему удивлению Манухина, „Эльзото“ и адвокатов, рабочие всех приисков дружно и организованно вновь прекратили работу.

Напрасно метала гром и молнии и губернская и центральная власть. Вся 8-тысячная масса ленских рабочих с женами и детьми твердо объявила полный бойкот „Эльзото“ и потребовала своей эвакуации из края.

Эвакуация рабочих с приисков началась 4 июля и закончилась 5 августа. Администрация приисков под непосредственным руководством Белозерова и Гинцбурга буквально вылезала из своей шкуры, чтоб сорвать эвакуацию и вызвать среди рабочих волнения — раскол.

Даже губернатор Бантыш был поражен ее наглой политикой и телеграфировал министру внутренних дел следующее: „Должен кон-

статировать действительно отвратительное отношение промыслового управления к насущнейшим нуждам рабочих: 1) семейные наняты как холостые; несмотря на принудительность женского труда, паек выдается на одного, 2) возврат удержанных за провиант с 21 марта по 4 апреля денег производится на чрезвычайно невыгодных рабочим условиях, 3) кожаная одежда, инструмент, лично принадлежащий рабочим, принимаются не по таксе и с громадными придирками, 4) женам раненых прекратили выдачу провизии, 5) выборным отказывают в провианте, несмотря на личное обещание Гинцбурга сенатору Манухину и Белозерова — мне, 6) больничных дней не засчитывают, 7) обсчитывают рабочих, преднамеренно или нет, на каждом шагу, 8) добиться исправления ошибок почти невозможно, и так дальше, без конца...

„Приходится наблюдать теперь со стороны промыслового управления и его служащих полное игнорирование прав рабочих, совершенно бессердечное к ним отношение, бесчисленные мелочные придирки, крайне плохо организованный, совершенно беспорядочный расчет вообще.

„Характер действий „Лензото", видимо, сводится к желанию во что бы то ни стало сорвать мирную эвакуацию рабочих. Постоянными личными объездами мне до сих пор удавалось при неимоверном напряжении сил поддерживать порядок, прекращать вспышки естественного неудовольствия, поддерживать мирное течение жизни на приисках. Тем не менее непримиримая политика „Лензото" может вызвать волнения, за последствия которых я не отвечаю"...

Однако и на этот раз усилия „Эльзото" были напрасны: спровоцировать рабочих им никак не удалось.

Напрасны были и усилия губернских чиновников вызвать у рабочих „верноподданнические" чувства. На собрании первой отъезжавшей партии рабочих им была предложена резолюция, выражающая благодарность Манухину и просящая его „повергнуть к стопам монарха верноподданнические чувства". Молчаливо была заслушана резолюция, без прений проголосована и единогласно отклонена.

Еще раз эту самую резолюцию пробовали предложить другой партии отъезжавших рабочих уже от имени Майша, и еще раз она была отклонена точно таким же образом.

Рабочие уехали; 8.909 рабочих с женами и детьми покинули добровольно Ленский край. Бастовавшие уехали все, за исключением полсотни.

Своей второй стачкой и отъездом с приисков они произвели невиданную в мире демонстрацию, которая была тем удивительней, что в условиях самодержавного режима уезжающих рабочих ничего не ждало впереди, кроме безработицы и преследований полиции.

Между прочим, комиссия адвокатов, приезжавшая на прииски по просьбе рабочих, возбудила против „Эльзото“ в Петербурге иски от 3.852 рабочих на сумму 400.000 рублей. В этих исках рабочие требовали с „Эльзото“ уплаты заработной платы с начала забастовки по срок контракта, 10 сентября. Мотивировали свои иски рабочие тем, что договор первым был нарушен „Эльзото“, не исполнявшим ряда пунктов договора. Рабочие имели тем более оснований для иска, что иркутское горнозаводское присутствие, рассматривавшее ленский конфликт, тоже вынесло постановление, что договор первым нарушило „Эльзото“.

Но с этими исками адвокаты в Петербурге не торопились. В течение 2 лет они вели по поводу их переговоры с „Эльзото“. 20 марта 1913 года в „Правде“ появилось открытое письмо группы ленских рабочих к адвокатам. Рабочие спрашивали у них: „Как обстоят дела с нашими доверенностями и исками? Рассейте подозрения, и докажите, что вы не только в горячую минуту пообещали нам свою помощь“.

Но адвокаты все продолжали вести переговоры, и только в марте 1914 года они передали иски на рассмотрение одному из петербургских мировых судей. О дальнейшей судьбе этих исков ничего не известно; надо полагать, что с началом мировой войны они были окончательно похоронены.

11. Карьера ленских заправил.

Лена сделалась известной всему миру. Под влиянием мирового скандала, который произвел ленский расстрел, и разоблачений той роли, которую играло в нем правительство, Бояновский и Липин ушли из состава правления „Эльзото“, а в сентябре 1912 года все правление было заменено новыми лицами.

В октябре 1912 года Белозеров и его помощник Теппан были сняты с управления приисками. На место их во главе управления приисками был поставлен совет из Гавриловича, Черных, Савинова и Цинберга. Этот совет и управлял приисками вплоть до приезда нового управляющего, А. А. Перрэ, в феврале 1913 года.

Общие расходы, которые понесло „Эльзото“ от стачки рабочих, равнялись 1.283.278 руб. 72 коп.

Из главных действующих лиц на своем месте остался лишь Тульчинский, который продолжал в ближайшие годы работать на приисках в качестве окружного инженера. Его предательская роль в отношении бастовавших рабочих примирила с ним и правительство и „Эльзото“. И так как она не была известна широким кругам, то он даже был окружен ореолом чуть ли не мученика.

Никто из виновников расстрела не пострадал, и лишь губернатор Бантыш получил понижение по службе за свои нелады с „Эльзото“. Он был переведен губернатором в Якутскую область.

Карьера ротмистра Трещенкова была такова. Комиссия Манухина покинула прииски 5 июля. За свое месячное пребывание в Ленском крае она собрала огромный следственный материал в несколько десятков дел и составила новый договор, который почти не улучшил положение рабочих. Из всех деятелей расстрела и угнетения рабочих она привлекла к суду лишь Трещенкова, против которого возбудила уголовное преследование „в преступном бездействии и превышении власти“.

Однако Трещенков не был арестован. Наоборот, жандармы окружили его чрезвычайными мерами охраны и заботливости.

15 апреля начальник московского охранного отделения телеграфировал в иркутское жандармское управление, что в студенческой среде идут разговоры о необходимости убийства Трещенкова. 2 июня департамент полиции из Петербурга телеграфирует в иркутское жандармское управление, что из Парижа специально для убийства Трещенкова послан бежавший из Сибири террорист. Сам Трещенков еще ранее, 6/22 апреля, сообщал в иркутское жандармское управление, что политические ссыльные в Сибири собираются его убить и т. д.

Были ли это кошмары „кровавого“ ротмистра и охранки, или об убийстве его действительно поговаривали, но департамент полиции принял все меры, чтоб охранить „героя“ ленского расстрела от расправы.

Из Ленского края его увез сам лично начальник иркутского жандармского управления Васильев, окружив его отъезд наивозможной конспирацией. Даже в свое иркутское жандармское управление он послал фальшивую телеграмму, чтоб замаскировать отъезд Трещенкова. В открытом тексте он писал, что Трещенков выедет 25-го. И тут же шифром прибавлял: „Открытый текст написан умы-

шленно для наведения на ложный след. Трещенков выезжает со мной 4-го"...

Окруженный целою сворой жандармов и шпиков приехал в Иркутск Трещенков вместе с начальником иркутского жандармского управления. Дальше его с большими предосторожностями переправили в Петербург. Перед его отъездом начальник иркутского жандармского управления телеграфировал в томское жандармское управление: „Сегодня экспрессом первый Иркутск—Москва выезжает ротмистр Трещенков под фамилией Кашин. Возможно покушение в пути следования. Сообщите дальше"...

В Петербурге Трещенков жил нелегально по паспорту Николая Викторовича Кашина и был прикомандирован к жандармскому управлению. Жалование он получал прежнее, и кроме того добавочное вознаграждение на семью — 2.005 руб. 50 коп. в год.

С июня 1913 года его лишили этого добавочного вознаграждения за ссору в пьяном виде с каким-то князем.

Следствие по уголовному преступлению за расстрел, которое возбудил против него Манухин, по указаниям свыше затягивали елико возможно. Оно было окончено иркутским следователем лишь 6 марта 1914 года, 6 месяцев оно пролежало еще у прокурора судебной палаты, и только в сентябре 1914 года дело передали на рассмотрение министра внутренних дел. Последний не нашел ничего преступного в деятельности Трещенкова, и по высочайшему повелению судебное дело против Трещенкова было прекращено.

Дальнейшая судьба Трещенкова неизвестна. По одной версии он поступил в действующую армию и был убит в бою с австрийцами. По другой версии, он был расстрелян в Иркутске в 1920 году.

12. Ленские рабочие во время борьбы и значение их стачки.

Отличительной чертой ленской забастовки является необычайный героизм, проявленный всей 7-тысячной массой ленских рабочих.

Принадлежащие по своему культурному уровню к самым темным и бедным слоям русского пролетариата ленские рабочие вписали своей стачкой золотую страницу в историю русского рабочего движения.

Мы видели, как дружно и неоднократно они тысячами подымались на защиту своих выборных товарищей. В сотнях допросов, которые снял с них сенатор Манухин, они не сказали ни одного слова,

которое могло бы повредить их борьбе или провалить их организацию. Ни одного провокатора не могла найти среди них полиция.

В борьбе со своим классовым врагом они не только проявили чудеса солидарности, но изменили даже совершенно свой быт, который десятилетиями прививало им самодержавие.

Как известно, спаивание шахтера служило всегда одним из лучших средств его порабощения. Поэтому водка и пьянство всячески поощрялись на приисках. До 1904 года даже часть заработной платы выдавалась обязательно водкой. Благодаря пьянству на приисках шла постоянная поножевщина, уголовные преступления и разврат.

И как только началась стачка, забастовавшие рабочие на первом же своем собрании постановили, что ни один из рабочих не имеет права пить водку. Решено было немедленно собрать всю наличную водку и ее уничтожить.

Одну из таких сцен уничтожения водки Думпе так описывает: „Я был очевидцем такой сцены. На Ново-Александровском прииске у барака стоит группа рабочих, вооруженных четвертями. По очереди они подходят к снеговой куче и выливают содержимое, то-есть водку, прямо в снег. Это делалось охотно, со смехом, шутками и прибаутками. Воодушевление, самоотвержение среди рабочих было такое, что не могу найти достаточно ярких слов, чтоб это выразить. Я никогда не подозревал, что эта темная, друг против друга озверелая масса на это может быть способна"...

„По единогласному удостоверению всех допрошенных свидетелей, — пишет сенатор Манухин, — пьянство, сильно развитое среди приискового населения до забастовки, со времени прекращения работ совершенно не наблюдалось. За 4 месяца забастовки в среде рабочего населения, доходившего до 7.000 лиц, не произошло ни одного повреждения промыслового оборудования, не было похищено или попорчено ни одного, даже малоценного имущества, и не наблюдалось ни одного случая нападения или насилия в отношении кого-либо".

Таким образом, в своей борьбе, которая длилась 4 месяца, которая не имела правильного партийного руководства, которая сопровождалась неслыханной провокацией со стороны всех, с кем приходилось сталкиваться забастовщикам, ленские рабочие проявили чудеса классовой стойкости и дисциплины.

Кроме того, несмотря на то, что ленские рабочие набирались из российских крестьян или сибирских уголовных ссыльных и не являлись

в своей массе квалифицированными или фабричными рабочими, они стояли уже на высокой сравнительно с прошлым ступени политического развития. Уроки 1905 года не прошли даром для ленских рабочих. Они уже не верили ни в царя, ни в попа, ни в адвокатов,— даже своих выборных они во-время одернули, когда те поддались уговорам Тульчинского. Ленские рабочие боролись до конца, рассчитывая главным образом на свою солидарность и организованность.

Кончилась ленская забастовка с внешней стороны неудачно. Рабочие покинули прииски, уехав на голод и безработицу, но их героическая борьба и зверская расправа с ними самодержавия зажгли огни энтузиазма во всем русском рабочем классе.

Настроения подавленности и разгрома были сброшены. Вслед за забастовкой по поводу ленских событий могучими волнами прокатилось по всей стране празднование первого мая, в котором приняли участие многие сотни тысяч рабочих [1]). В день первого мая рабочие мощными демонстрациями по всей стране еще раз дали грозное предостережение самодержавию, что „так было, но так не будет".

Этот же апрельский подъем рабочего движения вызвал и появление на свет большевистской газеты „Правда". „Звезда" с января месяца вела сборы среди рабочих на популярную рабочую газету. Сборы шли по фабрикам и носили групповой характер.

В январе и феврале 1912 года сборы эти были еще совершенно ничтожны, но в марте было уже 76 групповых сборов, а апрельский подъем рабочего движения сразу дал колоссальный рост сборов. Было сделано 227 групповых сборов. В мае идет уже уменьшение,— было лишь 135 групповых сборов, в июне только 34 и т. д.

Значение созданной апрельским подъемом „Правды" для российского рабочего движения было, в свою очередь, колоссально. „В самодержавной стране, придавленной сапогом насильника и изнемогающей от гнета, рождается на трудовые рабочие гроши газета, вбирающая в свои серые страницы все страдания, весь пот, всю кровь, все горести, все радости и надежды рабочего класса и вообще обездоленных. Нигде... не был так прекрасно поставлен отдел рабочей хроники, освещения жизни рабочих. Когда читаешь в ней о жизни на каком-нибудь руднике или заводе, становится ясным, почему „Правда" так быстро завоевала влияние среди пролетариата" [2]).

---

[1]) В одном Петербурге бастовало более 250 тысяч рабочих.

[2]) В кавычки взяты слова из статьи: В. Невский, „Рабочее движение Харькове в 1912 году". Сборник „Из эпохи „Звезды" и „Правды", вып. 2.

Единственная на всю Россию, по своему направлению чуждая упадочному ликвидаторству, отвечавшая боевому духу и растущему революционному подъему пролетариата „Правда“ была вплоть до начала империалистической войны руководящим идейным центром рабочего движения.

А это движение, начавшись апрельскими стачками, продолжало итти гигантскими шагами вперед. Сотни тысяч рабочих по нескольку раз в год поднимались на политические протесты и демонстрации в течение 1912, 1913 и 1914 г.г.

В одном 1912 году бастовало около $1^1/_2$ милл. рабочих, что составляло более половины всего числа рабочих в России.

В самых разнообразных кампаниях проявлял рабочий класс свою возросшую активность и самосознание. Рост рабочей кооперации, поддержка женского рабочего дня, выборы уполномоченных, день рабочей печати, поддержка всеобщей бельгийской стачки, забастовки протеста по поводу дела Бейлиса, протест против открытия 4-й государственной думы, против севастопольских казней и много других кампаний были проведены партией большевиков при самой горячей массовой поддержке рабочих.

Борьба шла по восходящей линии вплоть до июля 1914 года, когда в Петербурге начали строиться баррикады. И только начавшаяся империалистическая война временно опять отбросила назад рабочий класс, чтоб через несколько лет привести его к победной революции.

Таким образом, в общеполитическом масштабе ленская стачка не была поражением. Она открыла собою первую страницу гигантской борьбы русского пролетариата после годов реакции, борьбы, которая привела его к великому Октябрю.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
1. Годы реакции перед ленской забастовкой	3
2. Общество „Лена Гольдфильдс“	4
3. Администрация приисков	8
4. Положение рабочих на ленских приисках	10
5. Начало стачки и ее организация	18
6. Требования рабочих и главные моменты борьбы до расстрела	21
7. Две тактики срыва забастовки	23
8. Расстрел	33
9. Отзвуки ленских событий	42
10. Конец ленской трагедии	47
11. Карьера ленских заправил	54
12. Ленские рабочие во время борьбы и значение их стачки	56

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ИСТОРИЯ РАБОЧЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

ЛЕНИН, В. И.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ РЕВОЛЮЦИИ

(Институт Ленина при ЦК ВКП (б)

Стр. 30. С предисловием Л. Б. Каменева. Ц. 10 к.

★

ПЛЕХАНОВ, Г. В.

РУССКИЙ РАБОЧИЙ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

С предисловием Д. Рязанова.

(Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. „Библиотека марксиста". Под общей редакцией Д. Рязанова. Вып. IX.)

(Печатается.)

★

ЧЕКИН, А. (В. ЯРОЦКИЙ)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФДВИЖЕНИЯ В РОССИИ

Стр. 110. Ц. 60 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Происхождение профессиональных союзов в России. — Образование первых профессиональных союзов в России. — Начало профессионального движения. — От разгрома к возрождению. — На путях к Октябрю и военному коммунизму. — Эпоха военного коммунизма и новая экономическая политика. — Заключение.

★

БАЛАБАНОВ

КАК ВОЗНИК И РАЗВИВАЛСЯ РАБОЧИЙ КЛАСС В РОССИИ

На ряде конкретных примеров автор рассматривает процесс образования рабочего класса в России. Перед читателем развертывается картина все нарастающей борьбы русского рабочего класса, начиная от стихийных неорганизованных выступлений и кончая гигантским забастовочным движением в 1902 — 1903 г.г. Книжку с пользой может прочесть и совпартшколец, и рабфаковец, и рабочий-активист.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ

В ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСИЗДАТА РСФСР

Москва, Ильинка, Богоявленский пер., 4. Тел. 1-91-49 и 3-71-37.

Ленинград. „Дом Книги", проспект 25 Октября, 28. Тел. 5-34-18 и во все отделения и магазины Госиздата РСФСР.

ОТДЕЛ ПОЧТОВЫХ ОТПРАВЛЕНИЙ ГОСИЗДАТА

(Москва, проезд Художественного театра, 6) высылает все книги немедленно по получении заказа почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке денег вперед (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

50 коп.—Р

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1926 ГОД

НА ЖУРНАЛ

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Ежемесячный орган Истпарта

Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Октябрьской Революции и ВКП(б)

Ответственный редактор **С. Канатчиков**

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

На год	12 руб.
На полгода	6 „
На три месяца	3 „

К СВЕДЕНИЮ ГОДОВЫХ ПОДПИСЧИКОВ

Государственное Издательство дает в виде приложения к журналу „Пролетарская Революция“ издание **„РЕВОЛЮЦИЯ и РКП (б) в материалах и документах“** в 7 томах (в папках).

ЦЕНА ВМЕСТО 16 руб.— 13 руб.

Условия подписки: задаток — 3 руб., на остальные 10 руб. допускается рассрочка платежа не менее, как по 2 рубля в месяц, начиная с мая месяца. Первая книга высылается одновременно с рассылкой апрельского номера журнала. Остальные будут высылаться одновременно с рассылкой журнала до конца года.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

МОСКВА, Старая площадь, 4, ЦК ВКП (б).

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ Периодсектором Госиздата (**Москва**, Воздвиженка, 10/2; **Ленинград**, проспект 25 Октября, 28), всеми магазинами, отделениями, конторами и уполномоченными Периодсектора Госиздата, снабженными соответствующими удостоверениями.